

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Вагим ДЕНИСОВ

АНТИБУНКЕР ПОГРУЖЕНИЕ

Annotation

Третья Мировая война завершилась против воли ее участников...

Чудовищным «миротворцем» стал вирус Робба, выкосивший большую часть населения Земли. Перед старшим сержантом Арктической бригады Алексеем Исаевым встал нелегкий выбор: либо заживо похоронить себя в бункере, изолированном от внешнего мира, и превратиться в крысу, подьедающую запасы, сделанные в мирные времена, либо лицом к лицу встретить все кошмары постапокалиптического мира. Выжить и победить или проиграть и умереть...

Вадим Денисов

Антибункер. Погружение

© Денисов В., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо»,

Бункером я заболел после того, как мы с приятелями посмотрели старый, ещё чёрно-белый американский фильм. Там у семьи минитменов был очаровательный бетонный бункерок, одну стену которого сплошь увешали оружием. Попытавшись воссоздать увиденное на даче в Старбеево, мы были выгнаны из погреба ржавыми бабкиными граблями. Но от своего ещё долго не отступались. Почему, спросите? Потому что чуть позже началась настоящая эпоха повального увлечения постапокалипсисом. Фильмы и книги пошли бесконечной чередой, и пацану было сложно удержаться от опасных экспериментов. Делать нечего, в юности я увлёкся выживанием.

Чистый туризм тогда меня не привлекал, как поначалу и настоящая охота. Шли годы, я набивал шишки и как-то умнел. Дружки один за другим соскакивали с темы, оставались лишь истинные фанаты. Мне доводилось бывать в настоящих взрослых бункерах, и не раз. Впечатляет, скажу честно, крепко, как любое творчество не совсем нормального человека.

С годами копилась специфическая практика и база знаний.

По теме постапокалиптического будущего России я прочитал, пожалуй, всё знаковое...

Много книг издано на эту тему, и в них содержится почти всё необходимое для анализа. Приоритеты и подходы поставлены, как поплавки. Рано или поздно кто-нибудь начнет писать диссертацию с анализом всех предложений. Пока что я таких трудов не читал, аналитикой неудач и первенств в массиве написанного некоторые занимаются, но бессистемно.

Чаще всего работа, касающаяся подготовки к выживанию, сводится к знакомству с фильмом, книгой или компьютерной игрой, потому что постап-игра, по-моему, — самая захватывающая. Окунулся и забыл, большинство выживальцев-декларантов изучает вопрос, не поднимаясь с дивана. Они неинтересны. За всё время жизни и путешествий по Сибири и Крайнему Северу я ни разу не сталкивался с выживателями, добровольно приехавшими сюда для оттачивания навыков.

Интересней было бы разобрать на косточки самих авторов, ибо это и есть главные силы, формирующие выживальческое движение. Наши, так сказать, учителя.

Уже остыв в порывах, завязав с дурными хождениями в лес исключительно со спичками и ножиком, повзрослев, к выживальческому движению я отношусь скорее положительно. Но категорически не принимаю вставленную в рамочку сценарную матрицу.

Задача создания и обкатки практик сохранения жизни всегда пригодится. Полезно узнать заранее, как кто-то умудрился выкинуть из катера дизель и впихнул туда паровую машину, получив возможность избавиться от солянки. Мне кажется, что на движении выживателей изначально лежала некая социальная задача повышения общей алертности, то есть максимальной готовности населения к действию, которая так и не выполнена.

С некоторых пор тема стала мне интересна ещё и литературными перспективами: может, кто-нибудь напишет книгу по вновь открывшимся обстоятельствам, а я прочитаю её с великим удовольствием. Признаюсь, мне и самому периодически хочется расписать в красках вселенскую катастрофу... Непосредственно же воплощать в жизнь заветы авторитетов я не собираюсь, как не собираюсь выживать вообще, а тем более по книжным версиям. Ознакомился, знаете ли, с реальным выживанием, у меня имеется личный опыт проживания в тяжких условиях.

Хорошо погружаться в миры узнаваемых, но измененных роковыми обстоятельствами ситуаций, особенно если эти ситуации добротнo выписаны. А качественных авторов у нас всегда хватало. Конечно, как и в любой литературе, в текстах о мировых катастрофах должно быть непреложное: сюжет и герой. Замечу, что этот жанр требует максимального правдоподобия, реализма. Постапокалипсис ведь тем нас и манит — реалистичным моделированием исковерканной, но родной среды. В самом деле, многих ли заинтересует постап на планете Плюк? Рефлексии и морализаторства персонажей, да и авторов, меня чаще всего лишь раздражают. В зрелом возрасте человек обязан про это знать всё, иметь собственную точку зрения, выверенную настолько, насколько она помогает не пользоваться большинством советов незнакомых типов, живущих неизвестно где и неизвестно как. Во всяком случае, хорошо, если твой жизненный опыт позволяет не искать подсказки в развлекательной литературе.

В этом жанре выживатели и писатели образовали нерушимый симбиоз, участники которого постоянно провоцируют друг друга, генерируя некие идеи, а порой и самые настоящие практики. Это тоже привлекало выживателей, часто объединенных в клубы, правда, по большей части виртуальные, в России таких достаточно много, если кто не знает. Их даже учитывают, как некую социальную прослойку, аналитики МЧС и УВД. А как не учесть, если это сила? Сила желания, прежде всего. Желания остаться в живых после прихода Большого Песца.

Они хотят выжить не абы как, а самостоятельно, без помощи государства, а порой и с его полным отрицанием. Именно последнее напрягает аналитиков более всего. У этих парней есть стволы, они часто асоциальны и почти всегда неуправляемы, врагов и жертв выискивают заранее. Более всего власти настораживает, как я думаю, мысль, что в какой-то кислый момент выживатели начнут, упаси бог, действовать! Причем непредсказуемо.

Но и силовики, и сами выживатели кое-что существенное, как водится, забывают.

Замечу очевидное: пытаюсь понять феномен, с точки зрения здравых и не очень смыслов критически необходимо учитывать фактор романтики, каким бы игрульково-детским ветерком от этого предложения ни повеяло. Именно фактор романтики, пусть даже преступной, способен задать обществу самого крепкого перца.

В отрицание романтики я не поверю, ибо любой мужик — до старости пацан, это нормально, иначе хоть в омут с головой. Было так, есть и будет. И подавляющее число молодых, заболевших темой, в силу закономерных возрастных ступеней не столько боятся помереть после катастрофы от голодухи, сколько ждут интереснейших приключений с началом этого самого выживания, которое они воспринимают, как Старт, как способ долгожданного возвышения над толпой. На этом и построена вся постап-литература. Фактор замалчивается, он неудобен — дело-то серьезное!

Со временем муторные и малоинтересные занятия по обретению нужных практик возле зимнего лесного костра уступили первенство исключительно стрелковой подготовке. Тут, конечно, сказал своё слово страйкбол и, конечно же, наша коллективная Прелесть: такой притягательный сермяжный сталкеризм — это целая культура... А ведь есть ещё и факторы «не дослужил», «откосил, а теперь хочется» и «надо стать крутым!».

Отсутствие семьи, да и отсутствие чувства острой любви к своим кровинушкам, коих пока что нет, дают ещё один стимул собраться в путь за приключениями, описанными сотни раз. А без молодежи никак, ибо, как завещал один писатель: молодые и сильные выживут. Потому никогда не верьте, если вас кто-либо станет убеждать, что за идеей выживателей не

стоит романтика. По-другому в этом деле нельзя, иначе вы просто конченный параноик, а таких, на самом деле, мало. И тут не важно, готовился человек, учитывая прожитую жизнь, реально и деловито, или же просто сладко мечтал. Суть в другом — у него есть План Б.

Изучая вопрос, легко выделить главное — Бункер.

Это не обязательно железобетон и часто не в прямом смысле слова «бункер», под ним может подразумеваться схрон, изба на курногах, пещерка, остров и вообще любой участок земли. В идеале бункер должен быть заранее оборудован и набит, конечно же... нет, друзья, там уже не извечные соль-спички-сахар! Согласно новым веяниям, в нём материализована американская бункерная традиция, отработанная ещё в шестидесятые годы прошлого века: цинки, солярка, генераторы, берцы, батарейки и вообще весь арсенал полярной станции в годы проведения у наших берегов подлодками кригсмарине операции «Вундерланд». Я часто буду обращаться к северным мотивам, потому что сам с некоторых пор стал человеком Севера.

В общем, бункер должен быть набит под завязку. Раньше я это вполне понимал и даже завидовал. Шаг настолько разумен в рамках шаблона, что человеку, заболевшему темой, не поверить в правильность сего оргмероприятия чертовски сложно.

Замечу, на всякий случай, что в теме обустройства бункера на позднем этапе появились вполне конкретные практики, годные для полевого применения.

Первая книга о жизни после катастрофы, мной прочитанная — «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо». Образец локального постапокалипсиса. Это произведение остаётся для меня величайшим и по сей день. Если случится так, что какой-то негодяй-экспериментатор поставит моего ещё не родившегося ребенка перед выбором «Одна книга на всю жизнь», я твердо знаю, какой том взять с полки. Фразы и отрывки из «Робинзона» всегда можно использовать как лекарство и мерило. Кстати, тут же приведу пример: всем выживателям стоит запомнить слова мудрого попугая: «Бедный Робин! Как ты сюда попал?» Это и есть первое правило любого выживания: «Не допусти попадания в экстрим! Всеми силами не допусти!»

Но для анализа это нечестно, и я продолжу.

* * *

Итак, бункер создан. Далее всё ясно: после катастрофы субъект забирает семью и стремглав несётся к схрону на обязательном джипе. Если что-то не сложилось, значит, надо захватывать чужой или импровизировать с брошенным.

Всё. Крышка захлопнулась, выживаем.

Нет оружия? Не беда, выживальцами всерьёз и заранее в качестве мест, где можно раздобыть ствол, рассматриваются воинские части, отделения УВД и даже списки охотников с домашними адресами. Никого из моделистов это не пугает, не возмущает! Что говорить, если в сверхпопулярной игре «Сталкер» украинские военные выставлены врагами, которых любому можно безнаказанно убивать! Такое унижение силовых структур дало свои плоды, и мы увидели, чем это закончилось не так давно на Украине.

В бесконечных сетевых спорах родилась сложная технология регулярного обновления просроченной тушёнки, порченной муки и траченной микромиром одежды, практика закупа у бандюков или ментов нелегальных стволов, проверка генераторов и лампочек. Ведь даже

солярка со временем теряет свои свойства, чему я, в своё время, и сам немало удивился, — никогда о подобном не думал!

Вот он какой, бункер одиночки. Или его семьи, что в физическом размере помещения примерно одно и то же. Но есть и другой тип бункера, более сложный, — коллективный. На этот объект, после катастрофы, и едет семьями вся компания, ранее бывшая как бы клубом. В остальном разницы с индивидуальным убежищем нет, только труд и подготовка уже ватажная.

Главное, как принято считать, — смыться из города, сразу, не раздумывая.

До этой черты в моделировании всё было стройно. Апокалипсис случился, крышка сидит крепко. А вот после — полный бенц! Стоп.

Ибо далее единообразная скрупулезная оргподготовка даёт сбой, начинаются разброд и шатания. Вот мне и стало интересно, а что же будет дальше в реале?

Попытаемся рассмотреть возможные сценарии катастрофы.

Любому здравомыслящему человеку ясно, что самый вероятный сценарий — нападение на нас смертельной болезни. Увы, именно он оказался не в почете у моделлистов-мечтателей! Действительно, повязки на мордах, уколы в мышцу по схеме, слёзы... И карантин, карантин, карантин. Не привлекает, согласитесь. Да и сам бункер не нужен! Ибо поздно метаться, когда инкубационный таймер уже ведёт финальный отсчёт.

Однако именно этот сценарий показывает главное: человеку нельзя выжить без медицины, если уж влип. А если пока нет? Коли уж вы беспокоитесь всерьез и настолько, что тебе требуется стать выживателем, то самое разумное: продать хрущёвку, легковушку, плазму и переселиться в хорошую северную деревню. Там будет ваш личный карантин, пока с заразой не разберутся спеццы. В целом же — опять драматическая тоска. Стрельбы нет, яркого врага тоже. Голливудские затейники, чтобы как-то оживить вирусные сюжеты и не дать зрителям уснуть, придумывают что угодно горячее, но чаще всего в финале возникает палец президента, нависшего над ядерной кнопкой...

Видно, что романтики здесь ноль. Поэтому к самому вероятному — вирусной атаке — вообще никто не готовится. Никакие выживатели. Не согласны? Пусть поднимут руки те, у кого дома хранится ящик марлевых повязок, который окажется очень нужным в тот страшный день, когда на нас нападут очередные сопливые свиньи.

Самое дикое, но зато самое притягательно сюжетное — зомбаки.

Именно в таком сюжете роспись по выживанию наиболее совершенна, просто ажурна. И наиболее, замечу, реалистична: действие происходит на наших улицах, в наших кафешках, ничуть не разрушенных, даже пельмени не остыли... Зомбаки пришли к нам с Запада, и уже настолько хорошо прорисованными, что ничего нового придумывать почти и не потребовалось. Нужно было просто накинуть на гниющие плечи русскую косоворотку.

Почему зомби нас манят, понятно. Моделисту нужен враг, страшный и коварный, желателен антропоморфный. Так как зомби туповаты, были придуманы мутанты — в этих коварства хоть отбавляй. Нюанс: враг нужен такой, чтобы главный герой побеждал его достаточно долго, но и сам не загнулся в рамках реалистического стиля. Нужен «враг везде и для всех», это обеспечивает динамику. Противник должен быть нейтральным, это освобождает писателя от многих проблем типа идентификации «враг — союзник», мучений «да как же мы все профукали?» и прочих сложностей. И нужен ужас! Страшные сцены резерваций на стадионах, поля которых усеяны умирающими от болезни людьми, никого не привлекают. А вот зомби — самое то! Ведь это круг наших родных и близких, знакомых и

друзей, чего уж страшней...

Всем удобны зомби, но для выживальческого приключения их маловато. В помощь динамике приходят бандиты, сбежавшие зэки и прочие негодники из числа, например, вояк-предателей. Однако всерьёз рассматривать подобный Z-сценарий подавляющее число выживальщиков отказывается, хоть на этом спасибо.

Несущийся на Землю астероид тоже не привлекает мечтателей и авторов. Они понимают, что если камешек будет сродни Тунгусскому и рухнет уже не в тайге или на пустошах, а в зоне плотной застройки, то начнется самая глобальная в истории операция МЧС. А если МЧС приходит, это уже не апокалипсис, скрипач не нужен.

После просмотра наиболее продвинутых кинофильмов всем стало ясно, что при падении ещё большего чудовища место в мегабункере будет стоить миллион евро на одного и никак иначе. Цунами для нас не особо актуальны, потому что на Дальний Восток с его проблемами привыкли плевать... Ну, а как же затопление территории вследствие глобального потепления? Запросто, это актуально. Но таковой сценарий я увидел только в одной книге, и более нигде. Всякие триффиды и оккупанты из космоса с некоторых пор интересуют народ редко, а вот тема «земля треснула, и оттуда лезет нечисть» живёт по сей день.

Но в молодых головах самым вероятным, назло вирусу, сценарием будущего апокалипсиса сидит, увы, глобальная война с ядерными ударами и оккупацией. Именно к такому развитию событий готовятся многие выживальщики, и здесь надо бы остановиться. И вернуться к тому месту, где я сказал про «полный бенц»... Дверь бункера на замке. Оккупант делает что хочет. И что же дальше? Казать нос наверх или нет, идти тут же грудью на врага, или пока тихо посопеть? Тут мнения разделялись непримиримо, но мне всегда хотелось думать, что, в конечном итоге, большинство все-таки захочет снести супостату голову. Так что же тогда могло помешать сценарному действию?

Настало время появиться на сцене еще одному культовому понятию — мародёрке.

Феномен всеобщего пограбления вынашивался давно, силами писателей и сценаристов оконтурился рельефно, набрал красок. Когда, где и кого мародёрить — отдельная тема, на сей счёт постоянно идут бесконечные споры... Мародёрка исправно стаскивается в бункер и в тайники окрест. До посинения. Главный резерв мародёрки — супермаркеты и оптовые базы, кои, как совершенно ясно, хозяевам почему-то будут не нужны... Вот туда и отправится очередной выживальщик в страшном реале. Потрошение трупов — тоже мародёрка. «Нашел или убил, значит, могу взять!» Первыми грабят трупы соотечественников, ибо нападать на егерей, спецназеров и прочих карателей покамест как-то не с руки, себе дороже. Потому некоторые с оправданием: «Он был плохой мародёр, а я хороший!» надеются на гибель коллег. По мародёрке надо бы написать отдельный труд, ведь здесь без морализаторства просто не обойтись... Я этим заниматься не хочу, поэтому коротко резюмирую: многие выживатели считают мародёрку нормальным способом производства, именно так!

И это колоссальная ошибка. Мародёрка — не способ производства, даже если соотнести её с примитивным палеособирательством. Точнее, способ производства, но изначально варварский. Это путь к варварской цивилизации. Что имеется в виду? Вот такой пример.

Есть некий островок, на нем люди рубят строевой лес и строят хорошие корабли. Корабли продают задорого, ибо они спецы, а товар идет влёт. Но деревья закончились, их срубили. Остаток жалко, островок станет безжизненным. И тогда эти люди, набившие в судостроении и торговле руки и лбы, сами становятся моряками-купцами. И далее успешно

работают по всему миру, несмотря на вырубленный лес. Это и есть шаги нормальной цивилизации.

А вот чащобы, по ним проходит торговый путь.

На тропе сидит банда и «грабит караваны». Пока они, уставшие, пируют с добычей, остальные караваны успевают проскочить. Целое племя живет этим делом чёрт знает сколько времени. Потом что-то меняется — товаропоток резко возрос, в дело включился крупный бизнес. Эти нанимают спецназ и дают грабителям гвоздя, маза кончилась. Но вот, спустя годы, появляется среди уцелевших бандосов умный, который выдвигает караванщикам предложение: мы никого не трогаем за долю малую, а вы не тратитесь на спецназы. Почесавшийся бизнес кивает, ему это выгодно! Всё, родилась варварская цивилизация, так же, как настоящая, не стоящая на месте, а делающая шаги. Однако ничего не производящая, а богатая лишь потому, что им повезло, понимаешь, с местом! И главный первоучитель оказался варваром в своих задумках. Отвыкнуть добровольно от такого счастья никак нельзя, как сенегальским пиратам, например.

Внешне отличить представителей этих цивилизаций невозможно: те же крутые часы, костюмы, дома, смартфоны и джипы. Детки учатся в Англии... Вот только варварская цивилизация живет лишь тогда, когда под боком есть нормальная. Если торговый путь меняет тропу, бандиты начинают резать друг друга. И перережут, если какой-нибудь дурак не кинется их разнимать.

Но в сценариях вселенской катастрофы нормальной цивилизации нет вообще, она исчезает в катаклизме, поэтому мародёрка как источник ресурсов быстро умрёт.

Следующий момент не менее интересен. Всё дело в том, что мародёрка не стыкуется с бункером! Хоть ты тресни! Понятно же, что на третий, четвёртый, край седьмой раз тебя выпасут, придут и посадят на кол в прямой видимости от бункера и огорченной семьи. Потому что, открою кому-то секрет, предприниматель, особенно тот, кто не застал залоговые аукционы и первые свои тысячи долларов сделал лютым потом, имеет готовность убить за своё кровное никак не меньшую, чем у матерого бандюка. Готов ещё с того первого дня, когда, рискнув заняться бизнесом, понес заявление о регистрации в налоговую. В этом плане он отличается от бандита лишь тем, что признает, пусть и не все, рамки закона.

Выживание есть способ качественно, но кратковременно перекантоваться в беде. И не более. Час, десять. День-два... После чего надо начинать просто жить. Для этого придется переломить себя и включить философию создания систем жизнеобеспечения. Системы эти будут разными по городам и весям. Какие? Вспомните историю: жил ведь кто-то на ваших землях до эпохи пороха? Да, да, на этих самых холмах-пейзажах! И у них была отличная система жизнеобеспечения. Настала пора листать страницы локальной истории региона, выискивая те, которые соответствуют предполагаемой величине отката по цивилизационной лестнице. Но сначала нужно решить окончательно: жить в одиночку или сразу вливаться в большие сообщества?

Если вы счастливы наличием семьи, но собираетесь выживать бункерно-мародёрно, то вы просто глупец, готовый пожертвовать близкими в угоду собственной ребячьей романтике. В семейном варианте другого пути, кроме присоединения как можно быстрее к перспективно-устойчивому сообществу, просто не существует. Настоящий сценарий грядущей катастрофы никому не известен, и бункер для многих станет ловушкой. Папуля, даже понимая бесперспективность положения, окажется не в силах бросить родной бункерочек, в который он вложил энное количество зарплат и годы жизни... Кому-то

покажется оптимальным сочетание бункера и устойчивой системы общины, мне встречались и такие хитрецы. Глупость. Если вы собираетесь после смены, где совместно восстанавливали больницу или запускали конвейер, трескать в одиночестве тушняк, то нормальные люди это справедливо расценят как крысятничество и — в лучшем случае — выгонят вас взащей.

Учет фауны обязателен. Если в местности ещё водится медведь и россомаха, то бункер и нычка имеют плохие перспективы. Мишка найдет и разграбит. Даже если не пахнет едой, а лишь человеческим адреналином, он перевернет и растаскает всё, и даже цинки попробует на зуб обязательно. В таежных и тундровых избах часто двери не запирают — чтоб крышу не драп да стены-двери не ломал, пусть уж лучше зайдет, проверит, нагадит посередине и успокоится. Зимой медведь уснет, но придет россомаха, что порой ещё хуже. Поэтому в таких зонах сооружают не бункера-нычки, а лабазы, кои видно, увы, за версту. Стаи диких собак чистят территорию, как метлой. Природные мародёры вообще на порядок эффективней любых следопытов.

Мародёрка, так или иначе, неизбежна при любых катастрофах, но её романтический масштаб и возможности сильно преувеличены — на помойках «пикатинни», знаете ли, кучками не валяются. Запасы на складах не вечны. Учтите, что свежее мясо и рыба при обмене будут лучшей валютой, чем протухающие консервы. Станьте охотником-практиком, а не просто стрелком. Учитесь, не жалейте на это времени и денег. Идите на курсы судоводителей, окунитесь в мир рыбалки, заведите лодку, набейте на заднице шишки, расколотите на мелях несколько посуды и винты, обживите дальние любимые места. Стать оленеводом не предлагаю, хотя это очень зашибись.

Впитайте девиз: «Навык, умение, практика». Именно в такой последовательности. Например: навык строгать долго и ровно, умение сделать лук и практика добывать с его помощью зверька. Это перспективней, чем стрельба по мишеням. Охота, как всем известно, это не только меткость выстрела, а комплекс практик. Капканы изучите древние, пасти, петли.

По вопросу катапультирования из города мое мнение таково, что никакого единого правила быть не может. Как говорят ненцы: «Торопиза нада нету...» Населёнка, она слишком разная. Есть большие города и маленькие, донорские промышленные и те, что вечно на бюджете. Где-то есть расселение по национальным анклавам, где-то нет. Со стабильным населением, где люди живут поколениями, и те, где чуть ли не «вахта»...

Сценарии катастрофы множественны, варианты почасовки событий не считаны. А ведь есть ещё фактор климата и рельефа, инфраструктура и социальные пропорции. Если вы достоверно знаете, что у вас в городе всё посыплется настолько быстро и настолько сильно, что нужен будет обратный отсчёт с секундомером, то дело очень плохо и бежать оттуда нужно уже сейчас, не дожидаясь никаких катастроф. Значит, энтропия такова: расслоение, национальные факторы, соседи по подъезду... Уезжайте, если нет сил и веры для изменения ситуации! Потому что потом и бегство не спасет.

Сначала надо думать, а потом уже бежать. Не забывайте историю: при подходе отряда кочевников ворота передовой крепости княжьей вотчины быстро-быстро закрываются, и опоздавшие жители деревень зачастую становятся единственной добычей налетчиков... Так что время на сбор данных всё-таки нужно, так же, как скоростной анализ после их получения — что за опасность грядет? Может получиться, что лучше всего бежать не на боевые, а на трудовые позиции, которые известны вам заранее во взаимодействии с

соседями. Например, всем миром отправляйтесь восстанавливать водоснабжение и канализацию. Вы удивитесь эффективности такого хода! Сила коллектива, даже маленького, колоссальна!

В своих рассуждениях выживальцы старательно используют распространенную версию, что в момент катастрофы абсолютно все администрации и управленцы исчезнут одновременно, плюнув на вверенные им анклав, а силовые структуры посрывают погоны и откажутся от присяги. Никто не воюет, не партизанит, не пробует восстановить властные связи... все лишь мародёрят и выживают. Пробовал ли кто-нибудь такое оценить здраво? Но многие верят, что начальники, вкусившие самый сильный наркотик под названием Власть, откажутся от неё просто так. Я не верю, зная таких людей лично.

Допустим, что мародёрка идёт успешно и на какой-то стадии действительно как бы заменяет способ производства. Вы уже обросли всеми этими «АК-103», планками, ночными прицелами и пулеметами «Печенег». Что изменилось в принципе? Да ничего, вокруг всё тот же полный бенц! Есть только Бункер, в котором домочадцы ежедневно молятся «Как бы нас не нашли». А ведь пора идти воевать, мой друг. Или ты собрался жить на халяву вечно? Но воевать очень сложно, врагов становится всё больше, и они всё ближе к убежищу. Поэтому надо с кем-то объединиться, ибо бункер без прикрытия не бросишь, опасно, наследил. Но с кем объединяться? С теми, с кем недавно резался ножами на ступеньках супермаркетов? Кому вы поверите, и кто поверит вам после этого? Конечно же, огромное преимущество получает бункер коллективный. На первых порах. Может, и на вторых.

Надо бы проверить концепцию реальной историей.

Посмотрим, много ли было этнических групп, удачных практик и способов выжить по бункерной идеологии во времена оны... Более всего очевидны бандеровцы и прочие лесные братья. Там был план, система и технология скрытой жизни. Была связь, агентура и особая тактика. Но ничего им не помогло, сводные летучие отряды из местных и бойцов НКВД ловко, как гурманы устрицы, вскрыли все бункера-схроны, в том числе и коллективные.

Переместимся во времени и пространстве, улетим на Крайний Север, к древним ненцам. Некогда на землях Ямала и Гыдани жил таинственный и загадочный народ сихиртя. Жили они оседло, под землей, точнее — в земляных норах. Ничего мы не знаем про них, хотя народ этот неплохо запечатлен в ненецких сказаниях. Жили не тужили. Но вот на северах начали появляться первые оленеводческие роды, и все сихиртя быстро сгинули. Был народ, и нет его... Извели.

Направимся в белорусские пуши, посмотрим на группы советских воинов, волею судьбы оставшихся в окружении и решивших партизанить. Да и местные хлопцы уходили в леса. И, если кто не знает, достаточно большой процент «партизан» партизанить не собирался, надоела им война. Они собирались жить бункерно и мародёркой, что сразу же почувствовали жители окрестных сёл, какое-то время ещё терпевшие. Но тут из Москвы попутным самолетом прилетел тов. Медведев с группой отлично подготовленных ребят и стал создавать настоящий партизанский отряд. Крестьяне сразу же пожаловались ему на мародёрку. Тот пошел кольцевым маршрутом, быстро нашел все схроны и выволок оттуда потерявших нюх бойцов. Кто-то влился в новый отряд, а многих просто шлепнули у осины. Кстати, точно так же крестьяне жаловались и немцам, ну не нравилась крестьянам мародёрка! Фрицы-егеря пошли в лес и тоже нашли. Вы думаете, все эти солдатики не продумывали планы, не принимали меры к обеспечению скрытности? Принимали, находились умные! Но бункер не помог и не может помочь никогда. Потому что ты сидишь на месте и ничего толкового не

делаешь.

Куда ещёходим под ручку с госпожой историей? На гулаговский Таймыр. И в эвенкийскую тайгу, это чуть пониже.

Из лагерей Норильлага бежали ЗК. Постоянно! Через стужи, дикие расстояния, заслоны и природные препоны. Подавляющее большинство беглых ловили. Этим занимались и аборигены за регламентированные и оставшиеся в документах платы-подачки. Беглецы рыли землянки в откосах, забирались в глухие урочища, иногда устраивали жилища в трещинах деревьев. Чего только ни придумывали, чтобы пережить период активного поиска и продолжить бег. Но очень мало кто смог уйти! Как ловили? Очень просто. Вот оленевод, у него есть задача сыскать бункериста, чай у оленевода заканчивается. И он просто идёт редким прочесом — по урочищам и чащобам, ибо каждый выживатель стремится забраться именно туда, поглубже, подальше от людей, где потемней. Впрочем, так же, как это делают звери.

Опытный охотник такие места знает и определяет их с ходу, справедливо приравнивая выживателя к глухарю или лесной куропатке, они в одних местах роятся. Потому что подниматься, как неуловимая рысь, в пищуховый пояс сибирских гор выживатель не будет, там ведь не темно... Встал искатель на стоянку — отпускает собачку, ждёт немного, чай дует, а то и вздремнёт. Каждый отшельник, живущий в избе на промысловой точке, отлично знает, что собачку надо шибко кормить! Потому что если не шибко, да ещё и не держать пса на привязи, то в радиусе пяти километров моментально не останется ничего живого. И заимка из шикарного места превратится в избёнку посреди пустыни. Лайкоид-самоед найдет в лесу или в тундре всё и всех!

Далее охотник идет за своим Тунгусиком, и ранним утром после дождя банально кладет на схрон два бревна, заводя костер типа нодьи — угарный газ либо выкурит выживальца, либо просто убьёт его, обеспечив охотника за головами еще одним призом. Как говорит чукча из анекдотов: «Мёртвый геолог шибко хорошо, много патронов и чая!»

Что же объединяет все эти экскурсии?

Отвечаю: победители в них всегда мобильны. Они, если угодно, кочевники.

Потому что кочевник вне цивилизационного поля всегда победит одинокого оседлого. Он не привязан, у него нет бункера, но есть практика быстрого перемещения. Вывод прост: хочешь победить, стань кочевником! Тем более если противник сам горазд скакать. Поэтому басмачей смогли вытравить только такие же басмачи, но красноармейские.

Историю с эволюцией не обманешь. Человек перешел к оседлому образу жизни лишь тогда, когда у него появились оседлые способы производства. Оседлый способ сначала должен создать центры силы, в которых соблюдена определенная пропорция «работник — воин», позволяющая создать дружину с воеводой. Численность и структуры? Смотрим учебник истории, стр. «Первые казачьи станицы на Тереке». Тяжко им было. Маленькие, но гордые мирные хуторки до поры нежизнеспособны — их вырежут.

Если человек одинок, он умрет. Потому что его бункер очень привлекателен для других. Для кочевника хуторок на отшибе — просто бесплатная кладовка, которую он в своих планах уже присвоил. Ты всем нужен, тебя все хотят. И имеют, в конечном итоге.

Очень интересно то, что главные герои многих наших авторов, будучи бункеристами по заряду, на страницах ведут себя как-то не по-бункерному... Они постоянно передвигаются, непрерывно посещая чужие базы! Но поскольку выживательность вбита в них намертво, то порой главный герой в итоге тянет за собой целый обоз, караван с мародёркой и нужными

людьми. Но именно это и спасает главгероя, даже если на него объявлена квалифицированная охота.

Я вот что скажу: если уж ты пока что один, и у тебя есть бункер, то всегда воспринимай его как потенциальную засаду и не задерживайся в нём дольше одной ночи.

Движение на заре, да и на закате цивилизации — это жизнь, будь тот закат хоть и ядерным. Люди бегут, набивая шишки и постепенно умнея, набирая злой опыт нового жития и превращаясь в волчару... Если же человек сидит в бункере до последнего, то шансов у него нет. Он настолько пропитан знанием всех тонкостей мародёрки и всех её последствий, что жив исключительно недоверием и ненавистью к людям, всех их считая конкурентами. Он уже не сможет адаптироваться. И, даже если сорвётся на кочевье, вскоре погибнет, будучи совершенно не готов к такому вот способу жизни.

К сожалению, никто из моделистов, авторов и сценаристов на кочевом способе жизни после катастрофы внимание не акцентирует и цельный сюжет с таким подходом не создаёт. Хотя сама сюжетная линия просто кричит от напряжения: «Гони его! Пусть всегда идет, не останавливаясь!» Автор слышит, но... всё так же продолжает уповать на бункера и склады, все четыреста страниц. В итоге — один и тот же тупик и один и тот же итог: большинство постап-романов просто не дописывались до логического завершения. Потому как нет просвета и нет цели. «Кво вадис-то, дурачок?»

Западники такие сценарии имеют. Вспомните хотя бы Безумного Макса на мускулке «Ford Falcon XB», который кочует по дорогам и наблюдает, как другие кочевники колупают бункера с мародёркой. У нас, правда, был тот же «Сталкер» всех мыслимых модификаций. В этом чудовищном массиве написанного и нарисованного герои кочуют непрерывно, имея способом производства тривиальное собирательство, в коем месте природных даров заняли артефакты. А по гамбургскому счёту, это не кочевье, а бродяжничество.

В начале XIX века был введен Устав об управлении инородцев в Сибири. Нерусское население разделили на оседлых, кочевых и бродячих. В основу было положено разделение коренного населения на три разряда, в соответствии с родом занятий и образом жизни. При разделении на разряды Устав рекомендовал исходить из степени экономического развития «инородцев», главным критерием которого являлся способ хозяйствования. К группе «бродячие инородцы» или «ловцы» (охотники, переходящие с одного места на другое) относились энцы, нганасаны, ненцы, долганы и эвенки. К кочевникам же отнесли лишь кочевых скотоводов южных степных областей. К тому моменту, когда власти осознали, что оленеводы со своим типом скотоводства тоже суть кочевники, на эти земли пришла Советская власть, все разряды отменила к чертовой матери, введя свои социальные классификации. Но суть понятна: умеешь производить мясо без охоты — кочевник, не умеешь — бродячий. Я же все эти способы жизни объединяю в кочевые для удобства. Хотя никто не мешает авторам ввести термин *vagrant*, официально оформив героя на такую ставку с самого начала его сюжетной карьеры.

Кочевой мародёрки хватает и у сталкеров, но опять же это не основной вид заработка, уже по изначальной задумке. Она там, обратите внимание, больше трофейная, без оптовых складов с идиотами-хозяевами. Другое дело, что в подобные игры входят, засучив виртуально окровавленные рукава, бункеристы по духу, и они старательно занимаются исключительно мародёркой. Есть в этой культуре и чистые бункеры — в них сидят торговцы. Предприимчивые личности без окровавленных бинтов. Они не щелкают от радиации, никогда не умирают, и это самое жизненное, что есть в сталкеризме. Торговцы умнее всех! В

какой-то момент каждый поймёт: выживут не молодые да сильные, знающие слова «цинк», «пикатинни» и «горка», а умные, знающие слова «подчиню», «дам конфетку», «организирую» и «направлю».

Сталкеры отличаются от бункерменов тем, что у них есть хоть и рискованный, но неплохой в материальном плане способ существования, своеобразный и долгосрочный способ производства материальных благ. Это разные культуры. Почему бы всё это не учесть в самом начале подготовки к выживанию в ситуации реальной катастрофы? Потому что это очень трудно. Но можно.

А почему не стать хотя бы отчасти производительным кочевником-собирателем? Беда в том, что почти все мы — урбаны. И стать кочевником урождённому горожанину как-то не хочется... как-то колется. Дайте такому бункер, хоть в глиноземе или на болоте, лишь бы только не телегу с поклажей. Но если применить романтику? Если это будет не просто телега, а три семейные тачанки с «максимами» позади? Или три «уазика» с турелями! Красота! Либо три моторные лодки, эти вообще поди-ка достань-найди на наших артериях-протоках-озерах... Группа опорных точек на глухих берегах обширных акваторий. Романтично ведь, господа авторы и выживатели! Рыба под алюминиевым донцем, передвижение ночами, мародёрка в меру, эхолоты и локаторы, скоростной отрыв. Вам тут что, никто пострелять не дает? В том числе и по супостату. Чем не сюжеты. Но их нет. Потому что урбаны. С места не сдвинешь.

Итак: если вы не собираетесь вливаться в коллектив немедленно, то заранее выбирайте кочевой способ и следуйте ему. Чем ещё хорошо кочевье? В случае глобальной катастрофы нас отбросит, как мне представлялось, не в те времена, когда уже начали оседло сажать брюкву, а в те, когда приходилось отмахивать версты. Районы посевных земель, набитые городами и весями, могут быть изуродованы. Кому нужна щелкающая репа? Эти места придется забросить до поры.

Скажу ещё об одном преимуществе способа.

На кочевника трудно охотиться, преследующему очень легко можно и самому стать объектом охоты. Передвигаясь по овалу или по «блуждающей восьмерке», выживалец всегда способен замечать и оценивать любые изменения среды, принимать необходимые меры, а засаду на него организовать затруднительно. Если ареал водный, то подобраться еще сложнее, звук разносится далеко, видимость большая.

Оценивайте, решайте. Выбросьте из головы излишнюю готовность к пострелушкам, которая при подпитке адреналином легко может привести к самозапуску на тот свет. И запомните: связь с устойчивыми системами, которые выжили, появится неизбежно! Все кочевники неизбежно станут сателлитами и, в какой-то мере, вассалами центров силы. Что тут лучше, вам решать.

Ещё немного истории.

Пора вспомнить про реки — единственные артерии до момента возникновения торговых караванов. Реки в разы безопасней любой тропы, они обеспечивают скорость и лёгкость перемещения людей и грузов, кормят-поят.

Так уж вышло, что в России издревле не было большого смысла строить грунтовые дороги. Большую часть времени года они пролежат под снегом. Россия — зимняя страна. Короткое лето заканчивается, любимые стёжки скоро спрячутся, и всё, прекращай, друг, мечтать о дальних поездках либо доставай снегоход. В холодном климате магистраль имеет стратегическое значение лишь в том случае, если у тебя есть технологии механизированной

снегоуборки. Пустил тяжёлый грейдер ДЗ-98, и ура. Чисто, можно ехать. В противном же случае можно считать, что магистрали исчезли...

С другой стороны, у нас были и есть великие водные артерии с многочисленными притоками, которые тоже приличную часть года стоят замёрзшие. Вот это — настоящая магистраль! Природная.

Поэтому издревле в России транспортное сообщение шло именно по рекам, а город, что стоит не на хорошей судоходной реке, и не город вовсе, а неудачный эксперимент. Дороги мы начали строить по историческим меркам недавно. С упором на железку, её гораздо легче обслуживать и чистить зимой...

Теперь о другом. Понимаем ли мы, какая же война нас ждёт, и за что воевать будем?

В нашей стране есть Север, про который почти никто ничего не знает. Нет, все, конечно, слышали, что там есть жизнь, ведь откуда-то идут те самые приснопамятно-ненавистные сырьевые потоки, которые и составляют бюджет страны. Но как-то... лучше бы про те земли большего и не знать.

Циркумпольярные территории планеты характеризуются общим словом «тундра», того большинству и хватает. Потому что там всегда всё в порядке. Всё работает, рутина. Забывали о Севере наши политики, и люди творческие забывают. Я тоже долго не понимал его значения, тем не менее приговаривая вслед за остальными: «И когда же мы перестанем быть сырьевым придатком, господи?» А потом понял, когда... Когда оттяпают весь Русский Север огромным куском, так сразу и станем! Потому что вон те, за речкой сидячие, не забывают.

И никого, в общем-то, не напрягает, что Россия осваивает регион медленно, а Запад разведывает быстро. Господа аналитики, увы, не рассматривают такой вариант, что Западу будет нужен именно и только север страны. В самом деле, зачем им сдалась европейская часть, Урал и южная населенная полоска земли до востока? Все выбрано, вырыто и использовано. Чистой воды нет, лесов деловых почти нет, зверя тоже. Зато много лишних людей, а это, насколько правильно я понимаю военных аналитиков, является военной проблемой. Поэтому захватчику будет проще закатать все эти территории в стекло и никакие войска не вводить вовсе. Даже мне, дилетанту, наиболее вероятным представлялся вариант развития событий, при котором наш главный партнер решит сделать именно так. После чего оттяпает себе сектор с условными границами Уренгой — Байкал — южная граница Чукотки. Остальное относительно целое отдаст Китаю, там и Япония стоит в очереди за подарочком.

Главный мировой ресурс кроется в северных областях.

Леса немислимых площадей, биоресурсы, ископаемые, еще не найденные, земли незараженные и, главное, чистая вода. Не поймешь, чего на Севере больше, земли или воды, сплошные реки-озера. Любой человек, хоть раз летавший на вахту, меня хорошо поймет, вспомнив вид из вертолета. И я всерьёз думаю, что скоро увижу цену на бутылках с чистой водой на порядок выше нынешней. Перспективный бизнес.

* * *

Казалось бы, достаточно стройные рассуждения. Однако большая часть выживальщиков не торопится воспринимать подобные идеи и доводы, предпочитая оперировать сугубо умозрительным «опытом». А мне понятно, что желающему от всего сердца повыживать надо бы хотя бы на короткое время отправиться в северные края, для тренировки. В Сибирь, к

Великим Рекам, где можно проверить свою готовность практикой.

Авантюра, конечно... И страшновато.

Ну, тогда почитайте, что ожидает оставшихся в живых непосед.

Глава 1

Зомби в медпункте

Алексей Исаев.

Двадцать семь лет, москвич, не женат, образование высшее.

Контрактник, старший сержант спецроты егерей Третьей Арктической Бригады

Дверь я открывал... Наверное, целую вечность.

Ментально открывал — стоял еле-еле, прислонившись плечом к фанерной облицовке стены, и, не мигая, смотрел на зелёный дерматин в проволочных перетяжках, грубо врезанный глазок, на замок пялился и на блестящую ручку, призывая нехитрый механизм подчиниться. Тупо. Наберусь решимости, положу руку, нажму, потяну, сколько есть силы. Силы не было, дверь не открывалась.

И мыслей не было. Пить уже не хотелось. Точнее, истерика уже пропала, жажда просто переросла в отчаяние. Обезвоживание схватил такое, что оно высушило и желания — как я вообще стою на ногах? Дёрг! Вяло, брат, вяло... Нужна вода. Кровь загустела, кожа зудит, кажется, что она натянулась и трескается. Нервные импульсы-команды проходят плохо, бортовой компьютер не способен эффективно управлять полуживым организмом. Комп ещё шелестит винтами, а толку нет. Трубки забиты, провода искрят, связи пообкусаны — периферийные устройства работают сами по себе, спасибо им и на этом, честное слово.

Устав поднимать правую, я попробовал использовать другую руку. Не получается, там беда, киселеобразная кровь до сих пор тщетно пытается проскочить по сосудам к пальцам, настолько затекла.

— Сука...

Это не только эмоциональное, да и какие тут эмоции? Остатки инстинктов, и только.

Сука смотрела на меня с противоположной стены коридора без прихожей. С плаката смотрела, что на фанерке висит. Нахмуренная тётка в белой шапочке уставилась строгими чёрными глазами, указательным пальцем показывая на какую-то рукописную статью, припиленную на стенде внизу. В смысле, не из принтера вылезшую, а выведенную тонким фломастером, неотработанным детским почерком. Некоторые слова были обведены зелёным, некоторые красным.

Я ещё раз ткнул пальцем белую клавишу настенного выключателя, но лампочка под гофрированным матовым плафоном на потолке так и не загорелась, похоже, электричество отсутствует.

Надо бы что-то сказать. Губы в трещинах, болят, а надо.

Человеческий голос, даже если он твой, привычный, всегда действует побудительно. Не стоять же истуканом, звук живого слова всегда успокаивает... И придаёт уверенности в себе, если ты слова спокойно произносишь, а не кричишь. Именно поэтому новые робинзоны, влипшие в патовую ситуацию, стараются разговаривать вслух. Поэтому, ребята, а не от скуки или желания вспомнить родной язык. Откуда я знаю? Из личного опыта. Даже находясь в тундре на сезонной охоте, всегда сам с собой в избушке разговаривал — это не единственно верный способ поддержания человеческого в душе, есть и другие, но такой разговор очень помогает, и пусть перегревшиеся от тихого обыденного комфорта мирные медики думают

что угодно, хоть в шизофреники вписывают.

— Ты... Ты меня, тётя... — Поморщившись, я безнадежно попытался сглотнуть и замычал от боли в горле. — Ты мне ещё предложи статью почитать.

Голос был непривычный. Тётка молчала.

— Ну, давай ещё. — Я опять положил руку на фальшивую бронзу дверной ручки.

Вообще-то, ты бы поторапливался, Лёха, уже колени подгибаются, опять на полу сидеть будем? А поднимешься ещё раз?

— Мумией не хочу, грёбаный ты диатез, — произнёс я чужим голосом.

Хм, сейчас умирать действительно глупо. У меня было очень много возможностей сделать это раньше. Судьба предлагала загнуться от норвежского штык-ножа и канадской пули, от осколков снарядов автоматической авиапушки или морской мины. Были неплохие, быстрые и почти безболезненные варианты утонуть с остановившимся сердцем в ледяной воде и сгореть в падающей «вертушке». Замерзать доводилось, почти до последнего сна. Помню и не столь заманчивые алармы — нападение голодного белого медведя, на фиг, на фиг... Окружение заглохшего посреди снежной пустыни снегохода стаей волков. А ещё как-то после боя напился я синьки подозрительной... Ох!

Голова болела и кружилась, сильно. Обычно так не бывает, мучает что-нибудь одно. Я растёр лоб, затем, навалившись на ручку, отжал её вниз и попытался потянуть. И тут измученные ноги не выдержали — всем телом упал вперёд.

Дверка и открылась. Наружу.

— Сука...

Я стоял на низком крыльце, сразу же привычно привалившись, на этот раз к обитому полосками войлока косяку, и попытался зацепиться взглядом за детали открывшейся панорамы.

Утро, скорее всего. И раннее лето в звенящей тишине сибирской тайги.

Деревня какая-то на берегу, небольшая, находится в состоянии летаргического сна, — баста, остальное пока не познаваемо, плохо вижу вдаль... С трудом повернул голову направо. В сорока метрах — длинный деревянный дом с открытой верандой под навесом из шифера и колхозно исполненной вывеской на фронте: «Артель Мони́на». Справа от конторы стояла средних размеров баня с длинной железной трубой, рядом с ней — большой сарай, на крышу которого заброшена обшарпанная моторная лодка. Дыма над трубой не было. Людей не видно, как не слышно шума машин и стрекотания лодочных моторов на реке...

А за строениями — высокий чёрный лес.

Опять сглотнув в попытках добыть слюну, я осторожно перевёл тяжёлую, словно чужую голову налево.

Две железные бочки! Всё, есть. Остальное подождёт.

Только давай-ка по стеночке, Лёша, по стеночке, не торопись... То и дело касаясь пальцами руки поверхности влажного дерева, я, словно пьяный, побрёл к спасению, думая, что вот-вот свалюсь.

Брёвна фасада были покрашены в издевательски весёлый канареечный цвет. А боковая пристройка с крыльцом и дверью, из которой я вывалился, — в синенький. Значит, это муниципальное учреждение.

Обе бочки оказались до краев полны дождевой водой.

Святые небеса! Да пусть там хоть дюжина лягушек живёт! Вцепившись обеими руками в ржавый край, я опустил голову и начал пить, с большим усилием заставляя себя делать паузы.

Голова закружилась ещё больше.

Стоп. Придётся сесть, прямо на мокрую и холодную траву.

Чёрт побери, да я же голый! Нет, в трусах, ссохшихся от мочи. Зараза, сколько же я там пролежал? Стянув труселя, с ненавистью бросил их на землю и огляделся. Ага, ведро есть, эмалированное. Ну, тогда давай, трудись! С трудом поднявшись, я начал поливать трусы водой из бочки и неловко месить их босыми ногами вместе с травой, постоянно оглядываясь. Грёбанный стыд... Не может взрослый мужик ходить на улице голым, в таком виде ты чувствуешь себя беспомощным. Особенно сейчас, когда меня может забороть средних лет полевая мышь.

Так, теперь надо и самому обмыться. А на улице, между прочим, начался добрый дождик, решивший помочь лишенцу с сангигиеной. Усиливаясь за минуту, он быстро начал вваливать зарядами, и сопки на другой стороне реки почти полностью исчезли в пелене водяных струй, сам берег уже хрен различишь. Серые низкие тучи грязной ватой пытались зацепиться за верхушки сосен на холмах, но ветерок потащил их дальше. «Южный дует, по течению, потому и не задирает волну», — машинально отметил я.

Это Енисей-батюшка.

Чёрт, как мне холодно! Кое-как отжав трусы — левая рука всё ещё не разработалась, — я их торопливо напялил, расправив на заднице руками, и набрал ведро наполовину, больше не унести. В дом пошёл, уже чуть-чуть отжимаясь от стены, смелый стал...

Мумификация не состоялась.

Ещё раз глянь на дом, потом пригодится. Остановившись, я поднял голову. Российский флаг на коньке, мокрый, обвис. Антенна с оборванным проводом. Сверху фасад украшали три больших портрета в рамках: Пётр Первый, Сталин и Путин. Кто-то особо отважный последнему из вождей подрисовал усики, которые позже постарались затереть.

Вывеска гласила:

Минздрав РФ
Фельдшерско-акушерский пункт
ФАП пос. Разбойное

Первый раз вижу, чтобы аббревиатура шла позже расшифровки.

— О как... Разбойное.

Тоже мне, посёлок... Раньше такие называли станками, да и сейчас слово не забыто. Вот это имечко! Говорящее, репутационное. Лихо меня занесло! Постой, Лёха, а ты решил, что должен был заслуженно оказаться в комнате отдыха престижного столичного клуба любителей джаза?

Утоление жажды сразу потянуло за собой новые устремления — теперь жрать охота. Не скажу чтобы уж очень сильно, всё-таки желудок только начал распрямляться, но противная голодная дрожь пошла. И одежда нужна, срочно, чувствуется переохлаждение, простыну ведь. Подумав об этом, горько усмехнулся...

Зайдя внутрь, я тщательно закрыл за собой дверь, ещё и сторожок повернул, слабо погрозил пальцем дерматину и строгой тётенке на плакате — хорошенько стерегите! А! Вспомнил, как это называется: наглядные материалы для санитарно-просветительской работы и формирования здорового образа жизни. Ведро оставил в коридоре.

В фельдшерском пункте было несколько комнат и крошечное помещение аптеки с

окошком над полочкой и большим навесным замком. Рядом на стене висел перечень личного состава ФАП, включающий фельдшера — заведующего участковым пунктом, акушерку, патронажную медицинскую сестру и санитарку. Заведующий — мужик, вот почему портреты на фасаде висят, женщина бы до такого не додумалась.

— Есть кто?

Никто не откликнулся на мой тихий вопрос. Чрезмерно тихий.

— Доктора здесь? — громче спросил я.

В ответ где-то скрипнула форточка.

Трупного запаха не чувствую. Правда, ноздри пересохли, что называется, в коросту, так что вполне могу и ошибаться, если спрятан. Я попытался вспомнить: чувствовал ли запахи на улице? Чёрт его знает, забыл.

Почти все помещения были подписаны, и поначалу мне подумалось, что пациент Алексей Исаев оказался здесь случайно. Лишний он в этом предмогильнике. «Палата для рожениц» в две койки — это точно не для него... «Смотровая комната для приема и санитарной обработки рожениц», ага, ясно, тоже мимо. «Процедурная», актуально по-настоящему, вот сюда и не зарастает народная тропа. «Склад», на самом деле оказавшийся кладовкой с картонными коробками.

— Энибади тут живой шевелится? — и больше кричать не буду.

Никто не вылез.

Последнее по коридору помещение меня успокоило: «Комната временного пребывания пациентов». Не лишний! Здесь вот я и лежал пластом. Память возвращалась медленно, и приятных открытий она явно не несла.

Дверь, массивная, с двумя замками, приоткрыта.

Окно зарешёчено недавно, хотя за многие годы косметики рама закрашена так, что потёки краски залили все щели. Отреагировали на ситуацию. Форточка не открывается, вентиляционное отверстие под потолком закрыто марлевой сеткой. В заразной палате имелось две металлические койки с панцирными сетками, обе пустые, другой мебели, кроме двух тумбочек и пары стульев, в помещении не было.

Свою кровать я опознал сразу — не заправлена, постельное бельё сбито комком. Ну и запашок... К хромированным трубам и к раме были привязаны перекрученные жгутами простыни для фиксации конечностей, на одной — петля. Ух ты! Я помял руками задницу, прислушался к ощущениям, не отдаёт ли боль под лопаткой или в ноге, может, они меня тут ещё и пыточным пирогенальчиком кололи в четыре точки, чтобы не дёргался?

Судно под кроватью было чистым. Когда меня перестали кормить? Ведь какое-то время я садился и ел самостоятельно... Потом кормили с ложечки, пока персонал был. А потом мне пришлось через боль и слёзы, хриплый мат и ненависть к самому себе выкручивать кисть, рывками ослаблять натяжение, словно Динамо или Гарри Гудини... Стеклянная банка на моей тумбочке, пустая. Помню, как пил, проливая драгоценную влагу на простыню. Сам пил, не сумев позвать сестру. Я и кричать-то не мог. Ушла, стерва, и не развязала, хорошо, что дверь кто-то открыл.

Правая, соседская постель застелена грязно-серым шерстяным одеялом с двумя белыми полосками в ногах, чистым. К металлической дужке кровати бечевой примотана фанерная табличка с широким красным стикером, там что-то написано, не разберу.

А на моей кровати стикер синий, почему-то наклеенный прямо поверх зеленого! Вот что это может значить, а? Согласно этим бумажкам, я не зелёный и не красный. Они, похоже, на

каком-то этапе списывать меня начали, вот что получается. Кроме мелкой вязи на стикере был жирный вопросительный знак, то есть — «Сдохнет он наконец или нет?» Нужно что-то расшифровывать? Мне — нет.

Если больной очень хочет выжить, то медицина бессильна.

Сдёрнув с соседской постели одеяло, я накинул его на плечи, ну, хоть что-то. Больше в инфекционной палате делать было нечего, вышел и плотно закрыл за собой дверь.

Если сейчас же чего-нибудь не закину в желудок, то сдохну уже от голода.

Кабинет неотложной доврачебной помощи был богат одной лежанкой, письменным столом с зелёной лампой, стеклянным кувшином с крышкой и тремя стаканами на подносе, двумя никелированными тележками и парой стеклянных шкафов. Мельком заглянул: предметы ухода за больными, кюветы, медицинская посуда, склянки, некоторые даже с содержимым, старинный автоклав, медицинские банки, глазные ванночки, грелки и прочее нужное. Но не сейчас.

— Аптеку надо ломануть, может, там глюкоза есть в ампулах.

Хитёр ты, Лёха. До тебя её вычистить было некому... А кому? Не поленившись, сходил в коридор и налил из ведра в кувшин.

Стёкла большого окна были всё ещё чисты, и я глянул во двор. Дождь начал слабеть и превратился в водяную пыль, пелена которой оседала на траве. Сплошная низкая облачность сливалась с клочьями тумана, висевшего над огромной свинцовой рекой. Заведение имело собственный дворик за низким забором. С внешней стороны ограды, что выходила на реку, к штакетинам прижались два автомобиля, точнее, их остовы: проржавевшая двадцать первая «Волга» — эта даже на резине, и «Москвич» без колёс. Раритеты наполовину укрыты крапивой. Зловещая символика разрушения.

Из общей комнаты в кабинеты персонала вели двери с табличками «Сестринская» и «Заведующий ФАП». Я заполз в сестринскую, мельком удивился, увидев синее крутящееся кресло, тут же вмонтировался в него, продышался, унимая сердцебиение, вытер со лба холодный пот и открыл первый ящик. Уф-ф...

— Девочки, вручайте, вы же любите сладкое...

Бумаги-бумаги-бумаги. Чёрт! Папки-папки-папки, канцелярия. Туфли. Чёрные лаковые, на шпильках, внутри следки. Много специфического женского барахла. Следующий ящик... Ничего толкового. В нижнем нашлось искомое, пакетик с леденцами.

Минут десять, наверное, я, блаженно откинувшись на спинку кресла, с наслаждением сглатывал тягучий сок с привкусом клубники.

— Век вас не забуду.

Надо бы часы найти, наручные. И вообще, много чего надо.

Кровь побежала бодрее! Такое чувство я не раз испытывал в поле во время лютых холодов. Закинешь, бывало, кусочек сахара в рот... А лучше не очень жирное сливочное масло. Мы заранее нарезали стандартный брусок кубиками граммов по пятнадцать и заворачивали их в самодельные обёртки. Удивительный эффект — замороженный в камень кубик, попадая на язык, тут же начинал таять, впитываясь, как тёплый сладкий крем, быстро набивая тебя калориями. Если вам какой-нибудь диетолог начнёт выносить мозг, рассказывая о никчемности такого метода, сразу закатайте ему в табло, можно с ноги. После чего надо бы выволочь самозванца на лютый мороз под сороковочку и бросить в палатку, чисто из жалости, чтобы не дуло. А через полчаса спросить тихонечко через стенку: «Ну, что ты теперь думаешь? Зачем, по-твоему, коренные северные народы изобрели такой походный

ништяк, как пеммикан — замороженную смесь животного жира и протёртых ягод? Почему замороженную? Да потому, что целые восемь месяцев вокруг работает неутомимый природный холодильник, ты же не греешь весь носимый припас теплом собственного тела, дурачок...

Вот теперь можно поискать еду потрадиционной.

Я подошёл к шкафу — высокому и неустойчивому, потому что одну из ножек заменяла стопка старых книг. Стараясь не смотреть в зеркало открывшейся створки, попытался найти в массивной конструкции годный лут; должны же тут быть ништяки для несчастного, судьба, не пинай ищущих! Так... Маленькое кожаное пальтецо, женское, курточка дутая, чуть ли не на ребёнка, рулоны какие-то, похоже, стенгазеты... Вязанье! Коробки со сломанной канцелярией. Украшения, ожидающие своего часа бумажные Новый год и Рождество в пухлых снежинках и перетяжках, сложенная в угол ёлка с красными шариками в коробке, одна спутанная китайская гирлянда... А в этом отделении — белые халаты, шапочки, вафельные полотенца. Понимая, что время для вдумчивого рытья в шмотках ещё не настало, я всё осматривал поверхностно и в упадочническом настроении. Особо радоваться нечему, разве что тому, что выжил в принципе.

А на верхней полке что, девушки? Всё-таки темновато тут. Потянулся.

Ох, ты ж, ёлки! Перед самым лицом промелькнула картонная коробка с пустыми бутылочками, рядом упал утюг с гнутой ручкой, посыпались какие-то мелкие предметы, всё быстрее и быстрее... что-то беспорядочно валилось на голову, и я не успевал отмечать, просто уворачивался. Чуть не прибил меня чёртов шкаф!

Офис, в общем.

— Пошли к заведующему, — горестно вздохнув, посоветовал я сам себе.

У шефа кабинет был посолидней. Вот кушетка почивальная, низкий столик, вот кресло плетёное, из ротанга, пара стульев... Календарей на стенах меньше, зато есть две картины с пейзажами Италии. Письменный стол больше, кресло шире, всё, как положено. По мебели и интерьеру видно: хозяин — мужчина с претензиями, как бы не самодур-холостяк... Так что теперь выбор ассортимента портретов на фасаде здания, считай, прояснился.

Хорошо сидеть в таком роскошном кресле, встать не хочется.

Выдвинул первый ящик и сразу увидел его.

— Ну и гад же ты, заведующий ФАПом, — проскрежетал я со смешанными чувствами.

Это был мой ремень.

Последняя материальная память о прошлой жизни.

Его не сожгли, шеф не отдал, сука, оставил себе в качестве сувенира, скот. Вообще-то, современная высокотехнологичная одежда для полярки в ремнях не нуждается, там всё на липах, молниях и фастексах. У нас же они были — командование негласно одобрило, парни подсуетились, разработали дизайн и заказали на всех. Только пряжки, ремень сам вставляй. Я взял старого друга в руки, заново оценивая приятную тяжесть прямоугольника, выгнутого из толстой латуни правильно, в понятиях, как в старые времена. С лицевой стороны — атакующий белый медведь с поднятой для страшного удара лапой и римская цифра III, эмблема спецроты егерей Третьей Арктической Бригады.

Сбоку — мощная петля, с обратной стороны припаян солидный крючок, на холоде такая застёжка гораздо удобней обычного язычка с рамкой.

Можно вкладывать в скальную щель, как закладную. Широкая тканая лента ремня очень прочна, выдержит, проверено.

Но ведь он сохранил!

Ладно, хлыщ, пока прощаю, что тут у тебя ещё есть из интересного?

Второй сверху ящик подарил мне ножик; здравствуй, дорогой, тебя-то мне и надо!

Без ножа я как без рук. Лежал он у задней стенки, за бумагами. Хозяин кабинета оказался владельцем красавца никера — традиционного немецкого охотничьего ножика для добывания раненого оленя или косули (последнее чаще всего) уколом в шею, да... Над верхним шейным. Хрясь сзади! И всё, отмучился зверь.

Обычно никеры невелики, но этот был из крупных, тридцать сантиметров общей длины. Ручка из желтоватого с бурыми прожилками оленьего рога, что хорошо. Частенько рукояти никеров делали из ножки косули, с камусом и копытцем, особенно в тех случаях, когда ножик нёс символьную нагрузку «доступа в клан», инициации. Застрелил, и теперь твоя первая косуля сопровождает тебя в следующих охотах... Легендарный ножик, в некоторых регионах Германии никер являлся обязательной деталью традиционного костюма. Я же шерсть в руке категорически не люблю, рог предпочтительней.

Вот только бы хотелось чего-нибудь попривычней, посеверней.

Лежал он в ножнах и скучал. Новенький, никто им не пользовался, для понтов или памяти хранился клинок. Ножны коричневые, кожаные, с фиксирующим ремешком. Заглаженный внутренний упор, на клинке надписи: Othello, Solingen, Rostfrei. Наверное, заезжие бонзы-охотнички подарили, за удачно организованное браконьерство.

— Привет, messer! Дружить будем?

Вытащил, проверил клинок на ногте — стружку снимает, наточен неплохо... Гут! Моё первое оружие в новой жизни.

Я тут же скинул с себя казённое одеяло, смахнул со стола канцелярскую мелочь, отодвинул тяжёлую лампу с большим круглым абажуром, разложил. Надо сделать прорез, превратив одеяло в пончо. Влипший обыватель будет резать так, как видел в кинофильмах, а это неправильно. Обозначив середину складкой, я протянул острие никера, сделав прорез необходимой длины. Теперь нужно вырезать сегмент со стороны горла, неглубокий, если вы собираетесь носить пончо хоть с каким-то комфортом, иначе грубая шерсть натрёт шею. А вот со спины ничего вырезать не надо, чтобы ветром не холодило шею.

Накинув только что созданный предмет одежды на себя, я перепоясался ремнём, предварительно навесив на него ножны, застегнулся и сразу их перетянул, поставив удобней.

Рэмбо в Сибири, разбегайтесь, враги!

Стало немного спокойней, пусть это и самообман. Место действия мне досталось реально сложное, чувствуется, что и пики-пушки понадобятся взрослые.

Шмон продолжался. Следующим достоянием мародёра стали пакетики перекусонсушиняка, отлично характеризующие хозяина кабинета: «Куриный суп-пюре с сухариками» — шесть штук, заварные каши в ассортименте — пять штук, безымянный чай в пакетиках и с десяток кубиков сахара в пачке, на дне много сладкой пыли. Наверняка девчата каждый день затевали нормальный обед, домашний, где-то тут и электроплитка имеется. Это же деревня, всё своё, у людей живы традиции основательности питания. Селебрити-фельдшер с коллективом не ладил либо же держался особняком, предпочитая втихушку питаться эрзацем. Какая тут жена, какие дети...

Так, а как добытое заварить? Портативная конфорка, даже если я её найду, мне без надобности, электричества нет. Зимой пункт отапливается новомодной масляной системой. О, спиртовка нужна! Иначе придётся разводить костерок на улице. Не хочу, в тепле хочу.

— Должна быть обязательно, что за медпункт без спиртовки...

Может, и спирт найдётся, Лёха? Супротив стрессу, чего?

— Разберёмся.

Теперь и шкаф можно потрошить. Этот трёхстворчатый, стоит на ножках, прочно.

Потянул... Что-то клинит.

— Хрен ты безрукий, а не хозяин.

Интересно, помер он или вовремя смотался? Да куда же тут смотаешься, наивные люди... Только не падай, мебель, стоять! Шмякнешься, а мне тебя поднять будет уж точно не по силам. Дёрг! Тяжёлая дверь с зеркалом, застывшая в мёртвой точке, наконец приняла решение и открылась, выпуская наружу стопку хозяйского постельного белья, чистого, глаженого — и на пол!

— Твою ты душу племя-семя...

А бельишко-то, между прочим, сплошь в цветочек веселенький, розовенькое. Казённым шеф пользоваться не хотел, в ночные дежурства почивая на своём. Хорошо, когда так много чистого тряпья, мне всё пригодится.

Боковые полки были полны, оттуда и вывалилось. Значит, одежда для избранных хранится в основном отсеке.

— Слушай, мужик, обрадуй меня, скажи, что ты ещё и охотник, — с надеждой поспросил я дух отсутствующего хозяина. — Ну, ружьишко там, можно даже левое, патронташ... С участковым ты вась-вась, кто тебя тронет!

А ещё чтобы патронов штук двести были притаены, дробь гусиная и пулевых немного, я не привередливый. Можно любые Полёва, «стрелы», да и турбинки сгодятся. Между прочим, не откажусь от хорошей курточки и свитера. Штаны припрячь, я же почти как Маугли хожу! И обувь добрую яви несчастному, плохо шастать в белых одноразовых тапках. Их у меня целая пачка, да вот износ большой, надолго не хватит. Между прочим, ещё нужен бинокль, наручные часы, любые, носимая рация... Фу!

— Дорожные чеки, спрятанные в запасных трусах, международный паспорт гражданина РФ, водительские права, пачка евро и баксов, карточка AmEx и упаковка презервативов! — усмехнулся я.

Первыми мне в глаза бросились три комплекта медицинской одежды. Знаете, такие стерильные хлопчатобумажные костюмчики, в которых ходят хирурги: курточка и штаны. Белый, пастельно-синий и зелёный комплекты. Неужели он так и щеголял, весь в крахмале, в деревенском, ёлки хвойные, медпункте? И ещё фонендоскоп на груди, импортный, ага. А где у тебя шариковые ручки, шеф? Я не ошибся, таковые нашлись в нагрудном кармане синего комплекта, четыре штуки, значит, уровень колхозности очень высокий.

Именно такие индикаторы колхозности показывал мне отец, их много. Дескать, мода таскать в нагрудном кармане много авторучек пошла от директоров колхозов. Чем больше у тебя было имелось дефицита, тем ты был круче...

«В нагрудном кармане мужчина должен носить чистейший батистовый платочек, запомни это навсегда, сын. Не для вида, не для этикета! А для того, чтобы, если незнакомка, что оказалась рядом с тобой, уколёт нежную ручку, либо же у её ребёнка носом потечёт кровь, вытащить этот платок и порвать батист по-гусарски на две части, после чего протянуть их бедняжке, а лучше забинтовать самому, да с поцелуем... День, когда у тебя в нагрудном кармане появится пошлая авторучка, смело можешь считать днём гибели ещё одного мужчины», — говорил он.

Ну, где тут чехол с винтовкой, гад?

— Цыпа, цыпа... — Чёрт, что-то ещё и наверху лежит. Со стула не возьму, не устою я на нём, палку бы какую. Где взять? Вспомнил, возле входной двери метла есть. Потом.

Поправив ещё не упавшие стопки хлопчатобумажной ткани, я просунул руку и аккуратно чуть отодвинул медкостюмчики в сторону, плечики скользнули по никелированной трубе. Хорошая труба, кстати. Интересно, тяжёлая или нет?

Облом, стволов в шкафу не было.

Но не всё так плохо!

Не знаю, разрешается ли поселковым медикам, согласно инструкции, хранить рабочую одежду вместе с уличной, бытовой? Может, им послабуха есть, тайга кругом... Наверное, всё-таки нет. Селебрити-фельдшер, к моему счастью, с правилами обращался весьма вольно. В шкафу висели джинсы, которые я жадно схватил и вытащил на свет божий.

Настоящие Levi's, модель 501, тёмно-синие, жёсткие! Легендарные Shrink-to-Fit, модель, имеющая специальную усадку материала по фигуре, так что при покупке необходимо добавлять размер. Эти штаны если и мочили, то один раз, судя по всему, владельцу они не понравились. Раритетная вещь, такие в местных магазинах не купишь, точно, их даже в столичных добыть тяжело! Тоже подарок, никаких сомнений.

Кепка милитаристичная! Нонеймовская, защитного цвета, с декоративными заплатками и клепками, то, что нужно. Внизу стояли мокасины хозяина, песочные, отличной выделки — малы, собаки. Ладно бы только по длине, в таком случае можно отрезать пятку, соорудив что-то вроде клоги. Ступня не влезла, узкие!

Значит, ходить мне в белых тапочках, пока в посёлок не выберусь.

Усевшись на стул с противоположной, гостевой стороны стола, я торопливо натянул джинсы и тихо выругался, без злости, а порядка ради. Так и знал, что великоваты будут. Но ничего, ещё пара стирок, и они подтянутся, да и работать проще, когда штаны свободные. Длина тоже с избытком, придётся подворачивать. Будь у меня нормальные башмаки или берцы, то и так бы сошло, собрались внизу гармошкой, и нет проблем.

Но я босый, как последний бичуган.

Вот ремешок не впечатлил. Узенький, полосатенько-цветастый, подозрительный... и из кожзама. Не счёл шеф нужным потратиться на приличный. Что же, без ремешка всё равно не обойтись. Подумав, я выбрал зеленую рубаху-куртку, надел, аки хирург перед операцией, заправил в джинсы, попутно наслаждаясь прикосновением к телу чистой ткани. Сверху накинул пончо, опоясался своим красавцем, напялил кепон и посмотрел на себя в зеркало.

Говорю же, Рэмбо. Только замученный и высушенный.

И поэтому нужно пожрать.

Бесполезная электропечка в одну конфорку действительно нашлась, почему-то в аптечном киоске. Зато там были круглые часы со стрелками, которые тикали, батарейка ещё не села. В ФАПе необходимые лекарственные средства содержались не только в специальном настенном шкафу, но и в фельдшерском наборе. Медикаменты же, подлежащие реализации хворому населению, были здесь, в аптечном пункте. Я мимоходом оценил скудное содержимое полок. Ага, выгребли все сердечные средства, анальгетики и жаропонижающее вроде имеются, подробней позже ознакомлюсь... Надо бы и себе аптечку скомплектовать.

Почти одиннадцать дня.

Спиртовку я искал гораздо дольше, обнаружив ценный прибор в самом углу

медицинского шкафа, между клизмическими грелками и пластиковым мешком с банками. Спирт в небольшой бутылочке имелся, и я теперь точно знаю, почему местные, если они остались в этом, на первый взгляд вымершем посёлке, его не подрезали.

Боятся они сюда заходить.

Часы повесил в «неотложке», закинув неработающие на сестринский шкаф.

Все эти эволюции отняли у меня последние силы, и я, сидя в досмотровой, не шевелясь, зачарованно смотрел, как в стеклянной посуде закипает вода, как варится такой нужный сейчас каше-супчик. Хорошо бы пару таблеток вмазать супротив головной боли, только не стоит этого делать на пустой желудок, вдруг опьянею. По той же причине не покусился и на спирт.

Ложка была. Чайная, мельхиоровая, самый правильный вариант хлебала. В таком плачевном состоянии с количеством принимаемой пищи баловаться не стоит, хорошего помаленьку. Ею я и черпал густое и солёное варево, вяло прикидывая, чего на текущий момент добился. Выходило, что немногого. Одежды толковой нет, обуви нет, оружия тоже. ФАП был богат тем, чем и должен: приборами, аппаратами, наборами хрен поймёшь чего, медицинским инструментом, специализированной мебелью и оборудованием, дезинфекционной аппаратурой... И носилками для выноса трупов.

— Зато в штанах, с ножом и жив.

Упавшая в желудок жижа ударила по мозгам, словно снотворное выпил.

На кушетке спать жёстко, но я не смог себя заставить пойти в заразную комнату. Не хочу больше смотреть на эти страшные стены. Подушку возьму, а одеяло и тут есть.

Спать пора, Лёха, возьми свои три часика, пусть всё хоть чуть-чуть уляжется.

А потом иди дальше.

* * *

В сарае, что стоял во дворе медучреждения, я нашёл калоши, как раз моего размера.

Даже пообедать не успел, а уже разжился, сходил, называется, по малой нужде... Сарай был большой, абсолютно бестолковый в наполнении, но в чём-то даже интересный. По непонятной причине поселковые медики заполнили его необъяснимым хламом. Там хранился сельхозинвентарь, всякие навесные сеялки-веялки, полуразобранный мотоблок, три сломанных велосипеда, пара открытых самодельных охотничьих сейфов, таинственного назначения огромный железный бак с причудливо выгнутыми трубами, весь в ржавчине и заклёпках, штук двадцать оцинкованных шаек в стопке...

Не было лишь ничего медицинского.

Зато калоши нашлись, они лежали вместе со стопкой серых сплюснутых валенок.

— Зима близко? — спросил я у верхнего валенка.

Лежите пока тут. А калоши хорошие, нужно лишь намотать портянки, которые я сделаю из отрезков вафельного полотна. Надеюсь, тут ни у кого нет идиосинкразии на белые носки, которые так любили носить некоторые кавказцы из числа базарных воротил?

— Купила мама Лёше отличные калоши. Пофорси, Лёша.

Подумав, прихватил с собой самую приличную косу из тех, что стояли в углу.

Кроме сарая во дворе имелись буйные заросли высохшего прошлогоднего сорняка, боковая калитка в сторону реки и что-то типа спортплощадки из турника, двух широких

скамеек, столба с баскетбольным кольцом без сетки и сварной детской горки. Реабилитационный центр, понимаем...

Всегда найдётся кто-нибудь, любящий посоветовать человеку, только вставшему на ноги после тяжкой болезни, немедленно заняться лечебной физкультурой. Совет разумный, если дело касается, например, болезней опорно-двигательного аппарата. А вот после тяжкого гриппа физкультурить не стоит. После любого вируса не стоит, не надо торопиться — сам не заметишь, как схватишь осложнение на сердце или печень. На ногах еле стою!

Усмехнувшись и зажав калоши под мышкой, я с косою наперевес, словно сама Смерть, вышел через калитку, предварительно откинув кольцо из алюминиевой проволоки.

Оказывается, больничка стояла практически на берегу Енисея.

В одних местах обрывистый берег осыпался, в других порос травой. Чуть дальше в сторону посёлка виднелась лестница с перилами, ведущая к воде. Ещё дальше был крутой съезд для машин. Сейфов, в которых лодочники держат моторы и прочее добро, на берегу почти не было. В енисейских деревнях эти большие ящики на постоянку не ставят, снесёт в паводок или льдами по весне срежет. Однако некоторые в сезон привозят, на прицепах. Пятёрка разномастных будок держалась особняком, напротив них у воды три дюралевые моторки, на двух даже моторы на транцах...

Рядом с ними в рядок стояли четыре «илимки», или «деревяшки» — остроносые дощатые лодки, плоскодонные, быстроходные и вместе с тем вместительные. Чаще всего такими пользуются староверы для перевозки грузов, заброски продуктов в свои потаённые зимовья, расположенные в верховьях притоков. За счёт своего размера и формы длинная и очень грузоподъёмная «илимка» легко проходит там, где обычная дюралёвка стопудово застрянет. Транец у «илимки» высокий, сапог мотора сидит неглубоко, винты часто защищены самодельными масками. Универсальный транспорт.

Два брошенных одноосных прицепа. Автомобилей нет.

Типового дебаркадера или плавучего причала-платформы посёлок Разбойное не имел, значит, большие суда сюда не подходят. Груз перетаскивают лодками, а пассажиров из числа местных жителей на проходящие суда забрасывают без остановки, прямо в движении, известная практика.

За спиной лежало незнакомое поселение без признаков жизни и суровая сибирская тайга, начинающаяся сразу за крайними домами — всё это надо бы осмотреть первым делом, но я был не в силах оторвать глаз от берега и водной глади. Возле стоящего у ФАПа острова «Волги» что-то треснуло, я быстро оглянулся. На жестяную крышу приземлилась кукушка, похожая на сойку таёжная птица, серовато-бурая с рыхлым пушистым оперением. Сойка, наклонив крупную голову, с интересом смотрела на меня. Пусть сидит, знаю я их, сразу даст знать, если кто-то приблизится.

Вот ведь куда угораздило...

Берег являл следы панического, беспорядочного бегства.

Люди в спешке грузились на попутные баржи или же специально присланный пароход. Кто-то сдуру тащил с собой даже мебель, самые напуганные бросали вообще всё, включая лодки и машины. В пятидесяти метрах по берегу на самом краю обрыва лежала груда папок и перетянутых шпагатом связок документации.

Слева от меня на склоне тоже что-то лежало, предметов совсем мало, большая их часть свалилась вниз. Подойдя к склону, я осторожно вытянул голову — боюсь высоты... пляж-полка тянулся вдоль всего посёлка, а вот в километре выше по течению берег обрывался в

реку стеной. Течение могучей реки постепенно подмывало мягкий грунт, меняя русло, земля осыпалась, одиночные деревья, осмелившиеся произрасти в опасной зоне, падали в воду и уходили в путешествие к низовьям, на северá. Между береговой террасой и поверхностью воды метались береговые крачки, птички бойкие и отважные, селиться рядом с ними вредно для здоровья, заклюют.

На гальке пестрела груда сваленной в кучу мебели, бытовой техники в ярких коробках, тряпок каких-то... Как драпали! Естественно, капитаны ничего лишнего на борт не брали.

Назад! Ух, чёрт! Чуть не свалился, осыпается!

Много двухсотлитровых бочек. Пустых, конечно. А вот те, что стоят рядом с сейфами, вполне могут быть с топливом. Тут не боятся, что кто-то из своих подрежет чужую горючку, украдёт лодку или же, спаси господи, импортный мотор. Рыбалка для жителя Енисея — хлеб насущный. Лишиться средств ловли то же самое, что остаться без хлеба. В столь крошечном анклавe воровать не принято, дураку голову свернут и под мох в тайге спрячут, никакая милиция не дознается... Чаше всего она в таких случаях и не разбирается, особенно в районах, где живут староверы.

Две кучи угля чернели у спуска дороги, подальше от реки: одна крошечная, её за зиму почти перетаскали, а вторая совсем свежая, это топливо успели закинуть в высокую воду, по графику северного завоза. Там же лежит зафиксированный мощными кольями штабель деловой доски. Дикое это дело — возить пиломатериал в тайгу. Однако же привезли. И это говорит о том, что промышленной пилорамы в Разбойном нет, хотя для себя мужики могли распускать стволы по старинке или же вообще расщеплять клиньями, как это принято у таёжников.

Возле куч на боку чернела старая «ветка» — знаменитая енисейская лодка-однодеревка, сделанная из осины. Тонкая и сложная работа. «Ветку» сначала вырубает, а затем с помощью кипятка или же прямо на костре разваливают, расширяя борта. Мастера, умеющие их изготавливать, ещё встречаются. С утра уходят парой в тайгу, взяв с собой специальные гнутые топор, тёсла и рубанки, а к вечеру возвращаются с почти готовой лодкой, разваливают уже дома. Хорошая штука, очень лёгкая, тем и ценна. Эта, скорее всего, пробитая.

Серьёзных судов было два. На самодельном стапеле под кособогором стоял малый буксир типа «Ярославец», им явно занимались, причём со всем тщанием, тент натянули, корпус даже ободрали под покраску.

Второе судно — буксирный служебный катер КС-100Д1, изначально разработанный для перевозки служебных лиц на лесосплаве. По типу — дизельный буксирно-разъездной теплоход со стальным корпусом. Двигатель ЯМЗ-238ГМ, по запасу топлива ходит километров на триста, жмёт под тридцатку в час. КС стоял на воде, экипажа не видно.

Хороший пароходик, неоднократно на таком забрасывался в дальние уголки.

— Нет там никого, Лёха...

Хватит пока, не могу больше стоять, посидеть надо бы.

Так, значит, более-менее ясно, картина частично вырисовывается — всё очень плохо. Структуры свалили, большинство жителей тоже. Судов на реке не видно, самолётов в небе нет. Но радиоузел-то нормальный здесь должен быть!

— Ага, а связисты зачем-то остались...

Организм уже не подсказывал, он буквально вопил — иди в больничку, поешь и полежи немного! Не бесись, родной, сейчас мы так и сделаем. Я только посижу немного, ноги устали — неимоверно!

А лучше полежу.

Закинув в желудок остывшее варево, я ударился в поиски.

Ура! Более тщательный шмон принёс и более приятные результаты. Так и должно быть, ибо толщитесь и обрящете... Кухонька оказалась спрятанной в одном из многочисленных коридорных шкафов, внутрь и не протиснешься. Бытовая техника — дешёвая микроволновая печь и большой морозильник, почти пустой. Отменный набор специй, подсолнечное масло, полпачки пропавшего сливочного, кетчуп и горчица. Сунул руку подальше, неуклюже пошерудил, как медведь, и с полки посыпалась малочисленная посуда. Но и съестное нашлось.

Первый результат меня разочаровывал: сыпучих очень мало, полпачки гречки и треть пачки длиннозёрного риса. Непочатая пачка чёрного чая в пакетиках, банка растворимого кофе. Пива у медиков не было совсем, вот ведь удивительное дело, зато прибрал три бутылочки с сиропами и немного коньяка. Дальше — лучше! Консервы в закромах медпункта оказались специфические — никаких тебе тушёнок и каш, маринада и сгущёнок. Несколько паптетов в маленьких овальных баночках, сливовый джем, плавленый сыр сегментами в круглой коробочке и нарезанный пошехонский сыр в вакууме.

Продуктов длительного хранения и не могло быть много, у девчат хватало свежих продуктов, чтобы употреблять их в первую очередь.

Особенно порадовали макаронные изделия: две пачки спагетти и пачка причудливо выгнутых разноцветных рожек, есть даже чёрненькие. В нормальной жизни я ни за что не стал бы такое есть. И что делать теперь, печку-буржуйку ставить, что ли? Нет смысла, надо искать нормальное жильё, там восстанавливаться, обдумывать план дальнейших действий.

К великому сожалению, медики оказались молодцами, и сигарет у них не нашлось. В ящиках шефа имелась трубка и коробочки с табаком. Никогда трубку не курил. Может, бросить вообще? Обстановка способствует. Вздохнув, забрал, дав себе зарок курить всего три раза в день, бросать буду.

Всё продуктовое наследство я оставил на месте.

С косой поначалу ничего не вышло.

Копьё нужно нормальное сделать или пику. Только такое оружие способно остановить хищного зверя на достаточном расстоянии, проткнуть злое сердце прежде, чем страшные когти дотянутся до мягкого человеческого тела. Хотел я снять ножевое полотно да примотать его вдоль косовища, соорудив кустарное оружие типа тунгусской пальмы... Халтура, конечно, будет, тут нужно мотать кожей, клеить рыбьим клеем, а не извращаться со скотчем, на который я рассчитывал... Скотча, кроме тонюсенького канцелярского, у медичек не нашлось, а на более серьёзное творчество я пока был неспособен. Даже не сообразил, что можно снять с калитки алюминиевую проволоку! Мелькнула мысль, что можно обмотать гипсовым бинтом. Чуть позже решусь, поэкспериментирую. Длинномерное холодное оружие необходимо.

Вряд ли к поселению уже начали подходить медведи и волчарня, рановато им борзеть. Всё дело в собаках. На словах все люди собачники или кошатники. Хвастаются, мимимишки размещают в сетях. А как доходит до дела, каждый второй безжалостно бросает питомцев.

Как только брошенные собаки собьются в стаю, в них начинает просыпаться дикое, очень быстро. Они практически перестают гавкать, ссориться, осознают свой статус в стае и принимаются шакалить. Долгое время такие стаи болтаются рядом с поселениями, даже в том случае, когда там ничего из съестного невозможно взять, их держат остатки памяти.

Дичающая собачья стая очень опасна, особенно для детей.

Зная людские привычки, эти полудикие собаки способны атаковать человека очень эффективно. Они словно злятся, что люди их бросили и больше не кормят. Много зависит от того, промысловый это станок или нет и сколько людей живут промыслом. Охотники могли забрать свои семьи и уйти поглубже в тайгу, ведь у каждого из них — целые угодья, по которым разбросано чуть ли не с десятков избышек. Хороших собак, умеющих работать по соболу, они заберут с собой, бестолковых оставят, всех не прокормишь.

Если селение опустело, то собачки какое-то время будут уничтожать в округе всё живое, отрабатывая навыки групповой охоты, и только потом уйдут в лес, где частично станут жертвой по-настоящему приспособленных хищников, а редких счастливчиков, чаще всего самок, примет к себе волчья стая.

Есть такие тут? Да кто же знает...

...Нечего сидеть в больничке без цели. Я намотал портянки и вышел на улицу.

Что делаем, Лёха, сразу избу присматриваем или с общей обстановкой в посёлке разбираемся? «Избу, конечно же, избу, большую и крепкую, да чтобы с баней!» — В голове призывным колокольчиком вибрировало естественное стремление любого живого существа в случае опасности как можно быстрее укрыться в надёжном убежище. Но это, в моём случае, решение неверное. Прежде всего надо определиться во взаимоотношениях с возможными соседями, если они есть, конечно... Хорошо бы им оказаться приветливыми, дружелюбными, одному будет тяжело. Короче, людей поблизости искать буду.

Тут мне какого-то беса примерещилась пара крепких сибирячек с неразбуженной страстью в придачу, и в груди сразу тоскливо сжалось от предчувствия тщетности подобных мечтаний. Не до сексу.

— Пока, — возразил я себе, подняв палец.

Сколько тут домов? Давай посчитаем.

Осмотр местности рекомендуется начинать с первичной фиксации общей картинки. И только после этого приступать к детальному осмотру, с наиболее близких участков, слева направо, останавливаясь для детального исследования отмеченных заранее объектов, самых интересных, постепенно перенося взгляд в глубину. Обычное выполнение первого и второго нормативов по разведподготовке, обнаружение целей... Разве что на зоны не разбивал, она тут всего одна — ближняя.

Смотрел и сразу проставлял в уме точные расстояния до основных ориентиров. Я почти никогда не ошибаюсь в дистанциях, что достигнуто путём долгих упражнений. Современный человек, избалованный техническими средствами наблюдения, делать этого не умеет. Чаще всего даже опытный городской охотник не утруждает себя тренировками, зачем, если есть прицел Burrell с лазерным дальномером и баллистическим калькулятором... Такие некогда привычные оружным людям словосочетания, как «тренировка глазомера, зоркости и наблюдательности», стали забываться.

Я начал тренироваться ещё тогда, когда жил в городе. Дело пошло быстро благодаря современным технологиям. Для начала с помощью одного из сервисов спутниковых фотоснимков промерил электронной линейкой расстояния от окна до соседних домов... Смотрел, запоминал, привыкал оценивать дистанцию, каждый раз проверял себя по фотокартам — насколько ошибся? Начал выходить на природу, предварительно сняв дальности.

Поверьте, любой может научиться точному глазомеру, было бы желание. Это помогает

не только в стрельбе. Гораздо важнее умение быстро оценить обстановку.

Вскоре выяснилось, что Разбойное размером невелико, тридцать восемь хозяйств. Застройка поначалу велась по плану, дома стоят вдоль центральной улицы двумя ровными рядами, часть из них совхозные, на двух хозяев. Скорее всего, в конце прошлого века тут много чего снесли... Ближайшие к больничке хозяйства — старые постройки, в улицу не вписавшиеся. До крайнего сруба всего сто двадцать метров. Внутри ограды, напротив входа в дом, небольшой огород, засаженный, скорее всего, картошкой, есть сарай и теплица.

Примерно посередине улицы имеется перекрёсток, оттуда начинается съезд к берегу, именно там своими размерами и архитектурой выделяются два здания. По всей видимости, это единственный магазин и поселковый клуб. Школы тут наверняка нет, слишком маленькая численность жителей, значит, на зиму детей отправляют в интернат. Не угадаешь, какое решение приняли власти с началом пандемии, о вспышке которой я услышал ещё на Диксоне. Вернули детей в семьи или собрали в городах на карантине? Наверное, каждый градоначальник решал по своему усмотрению и по текущей ситуации.

Дальше по берегу, ближе к тополиной роще, стоит кирпичное здание котельной и склад ГСМ из светлого профнастила с большими поржавевшими ёмкостями рядом. Больше ничего особо примечательного я не заметил: улица пуста, людей и животных не видно, у перекрёстка замерли брошенный китайский или японский грузовичок и белая «Нива» с прицепом.

Как я уже говорил, фельдшерский пункт расположен на возвышении.

В небольшой долинке между тайгой и рекой ещё один пологий холмик, на котором стоит здание поселковой администрации, недаром ведь его крыша украшена длинным флагштоком. Однако триколор не полощется, его сняли и унесли. Фасад административного здания покрашен спокойной терракотой, в нижней части облицован чем-то тёмным. Это самое красивое и аккуратное здание в посёлке. Стёкла целые, дверь закрыта, окна занавешены.

— Удрали, слуги народные, — спокойно констатировал я.

Раз удрали, значит, в самых первых рядах. Иначе до сих пор пытались бы выкарабкаться на месте.

— А начальники ваши разбойные увезли всё, что посчитали нужным, мебели по гальке не разбрасывали, угадал?

Между зданием администрации и лесом виднелась вертолётная площадка, может, там есть и грунтовая ВПП, пригодная для посадки санитарного «Ан-3», отсюда не видно. Есть будка, похожая на туалет, и два врытых в землю топливных танка, с большой вероятностью простаивающих без дела. Полосатый ветровой конус слабо колышется на стойке. В той же стороне, судя по началу просеки в лесном массиве, начинается трасса зимника или локальная грунтовка.

В общем, я попал в ничем не примечательное енисейское поселение, коих на реке очень много и восхититься которыми изнеженному горожанину сложно. В другое время я бы посоветовал навестить эти дикие места, где вы, может быть, впервые в жизни почувствуете, что такое тишина и безлюдье, где на многих речках нет ни одного поселения или зимовья, а за время путешествия вы не встретите ни одного сотового телефона... Можно идти, магазин ждёт.

Поднялся ветер, воды Енисея покрылись невысокой острой волной. Курточку мне надо, да и свитерок, не отступлюсь.

Я перевёл взгляд ближе и замер. На меня смотрели.

От того рубленого дома, что ближе всех к больничке, чуть наискось стоящего почти в начале центральной улицы посёлка. Даже растерялся! Привык уже, что никого из людей нет, расслабился, а тут вот они, жители.

Дед в дутом пуховом жилете и бабка в вязаной кофте поверх длинного платья.

Ничего, как-нибудь объяснимся, лишь бы люди оказались вменяемыми. Невысокий дедок, облокотившись на забор, наблюдал, а старушка протянула руку к косяку двери, возле которого и стояла. Ого! Да у неё ружьё, двустволка горизонтальная!

Мне показалось, что я увидел, как бабуля взвела курки.

— Вам тоже здравствуйте. — Я поправил кепку.

И тут случилось в высшей мере странное — дед поднял над головой обе руки и скрестил их над головой, словно изображая оленя в танце «Хейро». Пришлось мне растеряться второй раз. Что это значит?

Старушка, оставив ружьё в сторону, тоже скрестила руки. Они сумасшедшие?

— Все мы хороши, — буркнул я и в точности повторил жест.

Дед посмотрел, вытащил из шпакетника топор, которого я не заметил, и что-то сказал супруге. Совещание длилось несколько секунд, после чего хозяин помахал мне рукой. Уже обычно, подходи мол, добрый человек, не бойся.

Будет интересно, народ тут, вижу, специфический... Мне вспомнились слова из песни воинов добровольческой армии Антонова: «Я достану свой обрез, и сбежим с братаном в лес». Несколько лет назад я на Енисее бизнесом занимался, товары возил по посёлкам, так что людей речных знаю, насмотрелся.

Что делаем, Лёха? Вздохнув невесело, глянул я на свои позорные калоши, поправил пончо и начал движение.

Глава 2

Знакомство с обстановкой

Отличное начало лета, нечего сказать. Новые знакомые, новые впечатления.

— Документ не спрашиваю, понимаю, — предупредил дед с сочувствием в голосе. — Откуда у такого пациента документ возьмётся... Эх, Зина-Зинуля, не поставила ты верный диагноз, оплошала. И нас смутила.

Я чувствовал себя довольно глупо в идиотском пончо, калошах с выглядывающими наружу полотенцами, небритый и невымытый.

— На судне документы остались.

— Бывает такое с людьми... А что за пароход-то был? — сразу уточнил старик. На северах частенько все речные суда называют пароходами. Капитан бесится, настаивая, что управляет современным дизельэлектроходом, а не лоханкой из прошлого века, но никто его не слушает. Пароход, и всё тут.

Вопрос застал меня врасплох. Только сейчас я понял, что всё это время старался не вспоминать о деталях своего драматического путешествия по реке.

— Э... Зараза, «Кисловодск»! Сухогруз-контейнеровоз.

— Знаю-знаю! Видел, как же. Зелёный такой. Что ж ты стоишь, как на докладе, садись-ка на колоду, небось и самого ноги не держат.

Хозяина звали Геннадий Фёдорович Петляков. Это был невысокий, сухонький, по первому впечатлению вежливый и неожиданно улыбчивый старичок, судя по всему, рыбак и охотник — через стекло ближнего окна я увидел на подоконнике чучело большого глухаря. Что же, будет интересно и полезно пообщаться с ним по профилю, узнать, где и на кого охотятся в этих землях. Чувствую, пригодится.

У него была короткая стрижка седых волос, обычно жители посёлков так не стригутся, комар заест. Обветренное загорелое лицо чисто выбрито. Нос картошкой, глаза прищуренные, хитрые. Лесовичок. Такие люди бывают неожиданно опасны. Говорит быстро, так же, как его жена, фразы строит уверенно, почти по-городскому, хотя специфические словечки то и дело проскальзывают.

— Вы, дедушка, прямо особист, не ниже майора погоны имеете, да? — улыбнулся я, усаживаясь на широченный старый пень, вполне можно мясницким топором быка разделывать. — Нет, синий был пароход, с красным, а надстройка белая. Вместо документа могу предъявить вот это.

Я отстегнул ремень и показал пряжку:

— Алексей Исаев, старший сержант, заместитель командира взвода спецроты егерей Третьей Арктической Бригады.

Мой собеседник посмотрел на эмблему с уважением, однако ремень в руки не взял.

— Так ты воин? О бригадах арктических наслышаны. Тогда, разреши уж, я тебя ещё кое о чём спрошу. Что же ты тут делаешь, егерь, в такой дали от места службы?

— Высадили, как заболевшего.

— Прямо из Арктики? — хмыкнул он.

— Расформировали нашу бригаду, демобилизация... Направлялся в Красноярск, еле на пароход пробрался, ещё и на борту каждый день капитану и боцману по пятисотке

доплачивал, — начал вспоминать я, уже для своей памяти. — От Диксона шли. В Дудинке никого на берег не выпустили, два дня стояли на рейде, ждали, капитану даже к причалам не позволили встать. А в Туруханске, наоборот, чуть всех не высадили, пошли слухи, что выше по течению реку перекрыли... Люди начали бунтовать, милицию смяли. Поплыли дальше. Возле Бахты заметили разбившийся вертолёт...

Хозяева синхронно ахнули.

— Как прошли Мирное, я уже не видел, слёг. В общем, плыл сложно, потом оказался здесь.

— Не похож ты, Лёша, на красноярского, — заметила до сей поры молчавшая бабка. — Говор у тебя не тот.

Если супруг вполне подходит под каноническое описание енисейского жителя-хитрована, то сама она обликом соответствует человеку городскому, интеллигентному. Правильные черты лица, аккуратная причёска крашенных в тёмно-русое волос, осанка, внимательный, чуть строгий взгляд. На преподавателя похожа. Спрашивать тактично не стал, но позже выяснилось, что не ошибся, Элеонора Викторовна, действительно, долгие годы проработала учителем в поселковой школе Подтёсово.

В поведении и облике — без поскони да сермяги. На дачников они похожи.

— А что, у них какой-то особый? — удивился я.

— Если уши имеешь, то у всех говор найдёшь! — поддержал супругу дед. — Ты вот сейчас сказал «пятисотка», а человек твоих лет чаще скажет «фиолет», так у нас называют купюру пятисотрублёвую, из-за цвета.

— Каких лет, мне двадцать шесть!

Дед сидел на скамеечке возле стены дома, легко закинув ступню правой ноги на колено левой, удивительная гибкость для такого возраста, позавидуешь. Я в такой позе комфорта точно не найду. Однако выглядел он неважно.

— Вы правы, я не здешний, из Москвы.

— От оно как, столичный гость! Ну, что же, товарищ Исаев, сейчас такие времена, что выжившим дружить надо. Смотри-ка, Элеонора Викторовна, с каким гостинцем человек к нам пожаловал! — дед ещё раз взвесил на руке пачку спагетти и протянул её жене. — Придётся тебе печку топить.

— Невелик труд макаронны сварить, особенно когда уж четыре дня нормальной еды в доме не было, — заметила супруга. — Алексей, он же у меня голодает, даже неприлично говорить. Зима далеко, никто ещё и запасов не делал. Курей да поросят люди съели, как только перебои с завозом начались, трёх коров зарезали. Упрямится теперь, последний сухарь мне отдаёт. Муж родной...

И она нежно погладила его по голове.

— Ничего, у меня вторая пачка в медпункте лежит, и ещё кое-что по мелочам. Сумку одолжите, схожу, принесу, — сказал я. — Неужели в сельпо ничего не осталось?

— Соль одна да перец с уксусом, — сказала хозяйка, набирая плашки из поленницы в подол. — Когда всё это безобразие началось и оставшиеся в живых люди по глупости своей бежать начали, послушав дурачка нашего, главу администрации, в Разбойное кержаки заявились... Посмотрели они молча на кипешню, дождались, когда последний буксир отчалит, да и выгребли продукты из закровов, из магазина и изб, подчистую.

— Про вас и не вспомнили, — догадался я. — А соль?

— У них и своей достаточно, варят. Мы с дедом гриппом болели, может, потому и вирус

этот нас не одолел. Дома сидели. Я одна к берегу ходила, смотрела...

— И сейчас сидим, как совы, — отметил старик без всякой злости, разве что особо энергично почесал колено. — Даже ходить не могу толком.

— Ему витамины надо, молодой человек! А у нас ни мяса, ни рыбы, одни огурцы из парников. Когда ещё на огороде вызреет, лето раннее.

— В аптеке есть! — вспомнил я.

Бабуля поморщилась.

— Химия в шариках, рекламный обман и денежный расход! — решительно заявила она, ломая стереотип. — Можно горстями лопать, а всё едино цинга начнётся. Природные витамины нужны, настоящие.

— Многие умерли?

— Ох, Алексей, очень много народу полегло... Пенсионеров у нас хватало, а охотников да рыбаков совсем мало. Ведь поначалу Разбойное и прочие посёлки да станки на карантин закрыли, думали уберечься. Только не вышло у них ничего, раньше надо было закрываться! Многие из наших помощи так и не дождались. Соседи померли, Кучеренки, тоже пожилые люди. К ним я частенько зааживала, помогала, чем могла, да и они всегда отзывались. Хозяйка до последнего дня пыталась ходить... А сестра у неё парализованная была, всегда молчала. Так молча и сгинула.

Элеонора Викторовна провела тыльной стороной ладони по глазам.

— Через дом новенькие жили, городские, в Разбойное приехали совсем недавно, из Красноярска. Эти, дед, да как их? Слово уж больно чудное!

— Дауншифтеры! — без запинки выпалил дед.

— Во-во, прости господи... С ними встречались всего пару раз, познакомиться как следует не успели. Хозяин в клубе работал, очень вежливый был человек, даже с детьми чумазыми здоровался. Вечерами там порой было шумно, музыка играла, сам почти каждый день на баяне репетировал. Двое деток, хорошая семья... Теперь на погосте лежат. Возле тополиной рощи ручеек журчит, там у нас погост, старинный. Их в защитных костюмах хоронили.

— Дурака валяли, толку от этих костюмов, — пробурчал Геннадий Фёдорович.

— Будет тебе ворчать да перебивать, сам тогда рассказывай! — решила хозяйка и пошла в избу.

Вскоре над трубой поднялся сизый дымок.

Комарья в посёлке не очень много, мошка ещё не поднялась, зато разлетались злые и кусучие оводы. Гадская тварь, сразу кусок мяса вырывает. Если к комарью и мошке я давно привык, как к неизбежной проблеме, и не психую, то оводы способны вывести из себя кого угодно. Надо бы в аптеке репелленты поискать. Хотя у моих новых знакомых наверняка есть берёзовый дёготь, разбавленный подсолнечным маслом — средство вонючее, пачкающее, но кровососов отпугивает.

Откинувшись на стену, Геннадий Фёдорович, не очень-то и расстроившийся после ухода супруги, с удовольствием начал рассказ, а я слушал и уточнял. Наверное, слишком часто, потому что дед не выдержал и спросил:

— Да что же ты ничего не знаешь-то? Не довели, что ли, отцы-командиры?

— Мы, дедушка, до последнего дня на главной базе сидели, на Северной Земле. Кое-что довели, конечно... Только служба есть служба, а там вируса нет. Я и подхватил его поздно, на Диксоне, скорее всего. Инкубационный период семь дней, а в Дудинке, как говорил, порт

судно не принял, Норильск закрылся.

— Норильску можно закрыться, оно конечно, серьёзный город, — авторитетно заметил Геннадий Фёдорович. — Слушай дальше.

Смертность в этом посёлке, расположившемся на Енисее между Бахтой и Бором, была очень высокая, какое-то время больные заняли в ФАПе все палаты. Лежали как местные, так и доставленные из Негатино, староверческой деревни в тайге, связанной с прибрежным посёлком грунтовой дорогой, что начинается от вертолётной площадки. В Негатино более двадцати хозяйств, и больше ничего нет. Кроме того, в куст медицинского обслуживания входили четыре зимовья и станция гидрологов, что стоит выше по реке. Раньше приезжали заболевшие работники с золотого прииска, но там год назад работы свернули, хотя муть всякая по выработкам шастает.

— А много на реке закрытых поселений или все уже плюнули?

— Нет у нас теперь телевизора, молодой человек, некому поведать! — развёл он руками. — Раньше-то много чего рассказывали! Что вирус Робба ничуть не опасней будет, чем та самая «эбола», мать её так, что населению волноваться не стоит, главное — соблюдать гигиену, мыть руки перед едой, хе-хе... Не верил никто в этот вирус, не до вируса, когда война началась, вот о чём все судачили!

— Даже медики не забились тревогу?

— Медики? Хе! Этот чухонец, Ингмар Йонович, самым первым и удрал! Как считаешь, пробил он тем самым тревогу или нет?

Я кивнул.

— А вот мы не поняли! Он ведь девчатам соврал, что в Красноярске его хорошие знакомые уже запустили в производство чудо-вакцину, осталось самое малое: привезти сюда, понимаешь? И опять поверили, ждали люди, ведь сам заведующий ФАПом это сказал, здесь люди доверяют медицине!

Все мы во что-то верили, пока не началось. Я с некоторых пор вообще не хочу ни во что верить, обжётся. Комбат тоже рассказывал о вирусе, ага. Как надзорные органы закрыли границу с Европой, потом с Китаем. Уверял, что ничего страшного не произойдёт: «Перекроют Енисей, две трассы и тройку аэропортов, установят карантин, посты, инфракрасные детекторы. Медицина у нас сильная, так что никто не прорвётся, парни, это Сибирь!»

Да мы и не переживали. Служба быстро переставала быть мирной. К архипелагам и побережью материка всё чаще стали подходить чужие подлодки, начались диверсии, попытки высадки десантов, пошла война в воздухе. Перед самым дембелем я два месяца провёл в рейдах по шхерам Минина, натовские ДРГ искал. Какие тут болячки...

А местные молодцы! Обзывали главмедика чухонцем, но доверяли.

Северный человек в быту и работе самостоятелен, даже самодостаточен. По-житейски очень расчётлив, свою выгоду понимает отлично, часто хитёр в общении, и почти всегда настороженно относится к чужакам, особенно к официальным лицам. Например, к рыбинспекторам и самонадеянным краевым полицейским да следователям, приехавшим на разборки по уголовному делу. Тут вообще начинается сплошная омерта...

Однако, стоит чиновнику стать местным, как ему начинают верить почти безоговорочно — он же за общину радеет! За большую семью. Он не просто свой, а ещё и квалифицированный специалист в какой-либо области, как не доверять! Почему почти безоговорочно? Потому что нет альтернативного источника информации. Телевизор не

спасает. С экрана расскажут о Москве и Европе, о далёкой Америке и чуть более близкой Украине, в лучшем случае, о делах в краевой столице... Проблемы удалённых поселений никого не интересуют, и единственный рупор оказывается в руках местечкового начальства. Сказал главный медик, что поедет за спасительной вакциной, значит, ровно так и сделает, не обманет, его же весь посёлок с надеждой ждать будет, местный ведь, не может такой человек подвести! В тайге своих не бросают, это тебе не государство.

— Девушки ещё долго работали, по-честному. Вот и с тобой возились до последнего. А потом и они начали умирать. Зину и Ольгу я похоронил, три дня назад.

Тут мне в башку что-то толкнуло, и я опомнился. Зачем вообще кого-то судить, на фиг на них проецировать свой опыт и установки, кто ты такой? Люди здесь жизнь прожили, им видней. Это проверенная веками уникальная община из независимых людей. Именно на коренных, как раньше называли, на старожильцах, из века в век весь Енисей держался. У поселковых свои беды и проблемы имеются, и вполне может быть, что именно они и выживут, как не раз уже бывало в истории.

— Что же меня не развязали, чуть кисть не вывихнул. Спасибо, воду оставили и дверь открыли, не пришлось окно вышибать.

Старик глухо засмеялся.

— Как же тебя развязывать, если ты вот-вот должен был синяком стать?

Я не понял. Это прикол такой?

Прекратилось тревожное гудение налетающих штурмовиками оводов, наступил тот момент, когда всё вдруг стихает. Над крышей старого сруба, срывая дымок последним порывом, пролетел южный ветерок, дождя не последовало. По всей видимости, давление скачет, насекомые такой перепад чутко улавливают, прячутся.

— Что значит синяком, дедушка? — Я даже встал, покривившись от ноющей боли в ногах, опять долбит, что ты будешь делать, правду бабка говорит, всем нужны настоящие витамины... — Как на духу, ни разу не присаживался, перед Уголовным кодексом по жизни чист.

Глядя на меня с необъяснимым весельем, дед улыбнулся ещё раз.

— Скажи-ка мне, мил человек, у тебя на койке какая наклейка была? Синяя! Вот и есть тебе синяк. Зиночка рассказывала, что одним днём ты так начал дёргаться и хайлать на всю больничку, ну, орать дурью, если по-нашенски, что она испугалась, вроде бы, до этого к добру шло... Вот и переклеила, да и оставшихся в живых предупредила. Люди и раньше боялись к медпункту подходить, а уж после таких новостей тем более. Да и ладно, что обошлось, обозналась фельдшерица, земля ей пухом.

А я даже лица её не помню.

— Рассказывайте, Геннадий Фёдорович, похоже, я действительно ничего не знаю.

— Оно и видно. Красную метку ставят тому, кто точно не выживет, это медики определяют, — назидательно начал он. — А зелёную и синюю тем больным, кто через горочку перевалил, но ещё лежит, ослабши после борьбы с болезнью лютою.

— И в чём разница?

— Ты зелёный, так уж боженька решил на перепутье. То есть нормальный, если одежду чудную в расчёт не принимать. А синий — нет. Выжить он выжил, а в человеки не вернулся. Сумасшедшим стал, диким! Роботом, так ещё говорят.

— Как? — Я чуть не открыл рот от удивления.

— Что ты, Алексей, словно шпендель маленький, честное слово, ничего не

соображаешь?! Вирус Робба, потому и прозвали этих бешеных роботами. Правда, всё больше в городах, наверное, им так приятней кликать. А у нас запросто — синяки. Были одни синяки, стали другие, привычное дело. С виду синяк — нормальный человек, но стоит ему увидеть других людей, и тут же бешенство его охватывает, ярость непонятная. Кидается, и ну рвать! Может и оружие какое ухватить, да...

Вот тебе и новая угроза, старший сержант, будто существующих мало было.

— И выживают?

— Давай по порядку, Лёша, не на ток-шоу. Что знаю, то и расскажу, — отрезал дед. — С телевизора предупреждали, ролики показывали, как это в городах выглядит... Я так понял, что они вполне могут себя обслуживать, пищу добывать. Синяки даже работают, например, на огороде могут ковыряться. Только это не люди.

Тут переставленной косой не обойдёшься, надо искать нормальное оружие.

Если повествование о том, «как Большой Северный Песец спустился по широте», было рассчитано ещё и на то, чтобы меня слегонца припугнуть, вернув из облака торопливых мечтаний на грешную землю, то цели своей он добился: я действительно был слегка напуган — безрадостные перспективы. Гангрена гнойная, насколько же проще в армии! Вот враг, рядом друзья, позади — Родина. Стреляй-руби-коли... Пора обдумывать план действий с учётом новых обстоятельств. «Только не суетись, закинь в голову, пусть отлежится».

— Какой процент синих среди выживших?

— Эх ты, скорый какой! Извини уж, исследований не проводил. Слышал, что на одного зелёного приходится по два синяка, но это болтовня досужая... Мы с супругой всего один случай наблюдали. Санитарочка наша, Оленька, в синячку перекинулась. Выскочила из больнички, и на нас! Так её Элеонора Викторовна из ружья застрелила. Только ты при ней о том не поминай, переживает она сильно.

— Не волнуйся, муженёк, я справлюсь, — раздался женский голос. За беседой мы не заметили, как хозяйка снова вышла во двор. — Да, я и застрелила! Прямо в грудь выпалила, а она ещё лезла к нам, ползла, руки тянула! Ох, господи, и за что такое наказание честным людям?.. Ну-ка, мужички, выпейте слабенького кваску, от него соки в животе заурчат, печень проснётся, к еде изготовится.

С этими словами женщина протянула мне большой глиняный кувшин.

— Издеваешься? Моя печень давно готова! — воскликнул дед.

— Сейчас макароны уварятся, — пообещала супруга.

Я с наслаждением осушил половину кувшина и протянул деду.

— Подождите, так, значит, вы меня встречали, как синяка?

— Гляди-ка, Элеонора, дошло до него таки! — обрадовался старик.

— Рога над головой зачем руками показывали?

— Лёшенька, так ведь это самый верный способ! — спокойно поведала хозяйка, не забывая о муже. — Пей давай, старый упрямец, не то пища колом в желудок упадёт... Да, Лёша. Синяк, как только увидит издали такие рога, так сразу беситься и начинает, почему-то не любят они этого жеста.

— Индикатор потому что! — Дед снова вспомнил нужное слово. — Главное, что так заранее можно на синяка проверить, издали. Всё, родная, не могу больше, не лезет в меня квас.

Потрясение — вот лучшее слово для характеристики моего состояния. Чего угодно ожидал, кого угодно! Хоть шерстистый мамонт пусть из тайги вылезет. Или нагрянут ещё

трепыхающиеся группы натовцев, до сих пор не получивших приказа на отход. Организованный уголовный элемент, старые и новые князьки, мелкая отморозь и дикие звери — их появление можно было спрогнозировать.

Но к появлению противников по-настоящему нового, эпидемиологического, что ли, формата я был не готов. Фантастика, ёлки! Они меня не разыгрывают?

«Почти зомби», — подумал я и не замедлил поделиться этой мыслью с хозяевами.

— Хуже, что ты! — убеждённо воскликнул дед. — Мы ведь с женой сериалы смотрим, когда антенна ловит. Хорошие сериалы бывают про зомбаков, душевные.

А Элеонора Викторовна добавила:

— Зомби не такие опасные, они медленные, как хомяки по осени, а синяки скорые!

— Живых мертвяков издали видно, это каждый знает, — тут же подтвердил супруг. — Ходят, видишь ли, руки выставив, морды красные, глазищи зрачками внутрь...

— И воняют за версту.

— Элеонора, а ты помнишь, как главные героини им бошки протыкали? Чуть ли не журнальчиком, в трубочку свёрнутым!

Бред какой-то. Синяки, зомби, сериалы... Тем не менее очевидно, что от созерцания разрушительных медийных образов, исправно подсовываемых народу телевидением, фокус-группа не растеряла данные самой природой боевые навыки и всегда готова дать отпор. И чего я тогда засомневался? Оружие сделаю или добуду. Встречу живого синяка, посмотрим, что это за круть.

Ладно, понадеюсь на то, что полученные только что знания и смекалка выручат.

— Понимаешь теперь наши опасения, Алексей? Только, значит, Оленьку похоронили, не успели в себя прийти, тут ты и вылез, распоретный такой. И с синей наклейкой на кровати.

— А у меня четыре картечных патрона осталось, — посетовала хозяйка.

Как бы с огнестрельным оружием кислота не случилась, Лёха, губу закатываем заранее, потом проще будет. Своей полиции в посёлке никогда не было, так что возможность разжиться за счёт правоохранителей отпадает. Военных частей не вижу, да и не упоминали о них рассказчики. Староверы... На их месте я бы вообще весь посёлок зачистил, прежде чем уйти от беды подальше в тайгу.

— Промтовары хоть в вашем сельмаге остались? Элеонора Викторовна, видите же, в чём хожу, стыдоба. — Я обратился именно к женщине, уже поняв, кто решает главные вопросы.

Она задумалась.

— Пошли-ка за мной, сумку дам. Тащи все продукты сюда, с нами будешь жить. А я пока на стол накрою да подумаю, чем тебе помочь можно.

— И то верно! Комната свободная есть, — обрадовался Геннадий Фёдорович. — А я пока баньку затоплю, чего теперь дрова жалеть, когда в доме работник появился... Вместе всегда переживать проще. А вирус... Что вирус! Как тут ни прикидывай, а именно он страшную войну остановил, можно сказать, мир заключил. Людей бы при любых вариантах осталось мало, но зато без радиации живём.

Кому как, а мне заключенный мир радости не добавил, слишком много счётов накопилось. Личных.

...Экспедиция в преисподнюю заняла полчаса, и за это время я успел не только собрать все съестные припасы, но и нагрести в сумку самых разнообразных медикаментов, скидывая

всё подряд, кроме БАДов, которые проникли даже в эту глухомань. Кто знает, нагрянут опять те самые староверы, и прощай, аптека, спорить не получится.

Обедали молча, основательно, без спешки. Чёрт возьми, какими же вкусными могут быть самые обыкновенные спагетти! Кроме масла хозяйка положила в кастрюлю мелко резанный дикий лук. Вышло так, что свою тарелку я опустошил первым, Геннадий Фёдорович под надзором супруги ел медленно, осторожно. Сидеть истуканом и смотреть на хозяев было неудобно, и я отправился проверить баньку. Подкинул полешек, с удовольствием наблюдая, как с жадностью пожирает огонь сухую древесину, превращая её в красные, пылающие жаром угли, как постепенно греется огромный бак с водой. Пламя жаркое и устойчивое, но время понадобится, воды много. У Петляковых была маленькая простейшая баня, устроенная по-белому, с трубой и закрытой каменкой. Сделана из лиственницы: это дерево приятно пахнет и хорошо держит тепло. Дверь низкая и толстая, окошко с двойным остеклением. Полы настланы из колотых бревен, обработанных с одной стороны рубанком и плотно подогнанных. На случай крепких морозов пол предбанника утеплён толстым войлоком. Помещения всего два: предбанник и парная, совмещённая с мочной. Предбанник тёплый, рублен заодно с баней и отапливается стеной каменки. На улице стоит огромная бочка со ступенчатым подходом, ей лет сто, наверное... Внутри холодная вода, вышел и нырнул для контраста.

У нас в подразделении почти такая же была, всех учили париться правильно и безопасно. Чтобы в бане не отравиться угарным газом, надо соблюдать нехитрые правила: после прогрева тщательно перемешай угли в топке, чтобы даже маленькой тлеющей головешки не осталось. Смотри за голубыми огоньками — это и есть признак выделяющейся окиси углерода. После этого стоит погулять, дать бане с полчаса выстояться, пока угли не начнут покрываться налетом пепла. Затем открывай дверь парной и плесни на раскаленные камни ковшик горячей воды, вместе с паром вылетят и остатки газа. Теперь можно закрывать заслонку и с кайфом приступать к процедурам.

В избе меня ждали.

— Вот, примерь-ка, Алексей, обновочку. — Хозяйка протянула длинный плащ-дождевик с капюшоном, сделанный из серо-зёлёной брезентухи, — у нас в таких раньше рыбинспектора по реке катались, пастухи да почтальоны. Как под ветер на реке попадешь, так сразу и поймешь, чем хорош. Швы не протекают, свояк их пчелиным воском обработал... Со свитером не получается, Геннадий Фёдорович у меня сухой, как юкола, ничего не подходит. И с обувью так же. У тебя какой размер?

— Сорок четвёртый, — ответил я, надевая плащ. Застегнул все пуговицы, поднял руки, потом сунул их в просторные косые карманы. О зеркале не заикнулся, но моя покровительница и сама всё решила, потянув за руку в гостиную, дед, конечно же, пошёл за нами...

Там, откинув дверцу большого шкафа, Элеонора Викторовна предложила полюбоваться.

Ну и рожа... Тёмные волосы проросли на лысине уже заметным ёжиком, узкий и длинный нос как-то почернел, губы поджаты. Варнак.

— Хороший, спору нет, да только как в нём бегать-то?

— Ить, молодёжь, ничего они не знают! — Старик был тут как тут. — А ещё егеря... Смотри сюда, служивый! Вот так, полы под ремень подоткни и догоняй вражину!

У нас были старые армейские плащ-палатки. Когда осенью на северных островах начинаются мелкие затяжные дожди, беспросветно затяжные и холодные, то в секрете долго

не высидишь даже в самой высокотехнологичной одежде, в арктической пустыне спрятаться от непогоды некуда... Куртка не даёт ощущения убежища, да и силуэт сохраняется. Чем-то этот плащ похож. Правда, на отечественной плащ-палатке вообще нет отверстия для головы, а капюшон формируется из угла полотнища, потому и не протекает, там нет шва. Пончо, хоть и тёплое, в рейде не выручит, особенно в дождь. Рюкзак нужен? Нужен. Поэтому полотнище со спины следует сразу делать большей длины, иначе ноги выше колен будут мокрыми...

Смотрел я в зеркало и думал: вот бы зафигачить такой лук да скинуть в социалки, чтобы кореша и подружки глянули! У меня, да и у многих, был смартфон, и на главной базе, где Интернет худо-бедно пробивался через спутник, порой баловался, засылая фотки в героических позах, да чтобы оружия побольше в кадре. Потом Сеть пропала, в один день, командиры довели, что взорваны подводные кабели через Атлантику, одновременно и наши, и американцы начали взаимно сносить с орбит спутники связи и систем глобального позиционирования, виртуальный мир приказал долго жить... Честно скажу, тоска осталась, такое уж поколение.

Беру в работу.

— Надо мне по соседским домам пройтись, что-нибудь из обуви обязательно подберу, — обрадовала меня хозяйка.

Тут я решился.

— Оружие бы мне какое. Думал, косу переставить вдоль дровяка. С одним ножиком против дикого зверя не попрёшь, а тут ещё эти синяки...

— Косу? Серьёзно? — изумилась старушка. — Лёша, ты ведь не настолько глуп, чтобы настраивать себя на весёлую охоту с помощью вил и мотыг.

— Вот раньше, помню, косы были! — мечтательно вставил супруг. — На медведя можно было ходить! А ныне одни жестянки, кустик заденешь, и в дугу... Проблема! Огнестрельное люди с собой забрали, а у нас всего одно ружьё. Вот что, жена! Тащи-ка ты сюда сабельку дедову, пусть молодой её к службе пристроит, нечего боевому оружию в такие времена на антресолях пылиться.

Так я, не успев и глазом моргнуть, стал обладателем самой настоящей шашки!

— Предок у нас урядником был, потом в сотне состоял. Шашка казачья, образца 1881 года, с плечевой портупеей. Пересохла вся, но мы её сейчас веретёнкой промажем. Правда, какое-то время мазаться будет, да ить плащу такому не навредишь...

Он ещё что-то говорил, но я уже рассматривал подарок.

Первый раз в жизни держу у руках настоящую шашку. Всё больше по ножам.

Клинок стальной, кривизна небольшая, с одним широким долем, ближе к острию дулезвийный, вес... Я прикинул на руке — килограмм или чуть больше, удивительно, всегда думал, что они гораздо тяжелей! Поставив острием на пол, прислонил к ноге. Метр. Обтянутые чёрной кожей деревянные ножны. Металлический наконечник, устье и скоба с кольцом для ремней портупеи. Эфес самый простой: рукоять красного дерева с продольными наклонными желобами. Головка рукояти раздвоенная, словно распахнутая, тоже латунная, с отверстием для крепления темляка. А самого темляка нет. Рукоять изогнута, наверное, так рубить удобней.

На головке рукояти был растительный орнамент и какой-то замысловатый знак.

— Видишь? Это вензель самого императора Николая II, в царствование которого мой дед и получил первый офицерский чин!

Мне даже страшно стало.

— Геннадий Фёдорович, так не годится, это же реликвия!

— Это не реликвия, а оружие.

— Так вы и сами можете!

— Эх... хотел дед саблю нацепить, да такой он слабый, что не нацепит. Сел тогда дед на завалинку, опустил голову и заплакал...» — продекламировал щедрый даритель с чувством. — Помнишь, откуда, или сейчас не проходят?

Я неопределённо пожал плечами и изрёк:

— Ну, слышал. Вроде.

— Это же Аркадий Гайдар, знаменитый революционный писатель! «Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове». Не учил? Угробили целое поколение, педагоги хреновы... Между прочим, этот сказочник в 1922 году отрядом ЧОНа командовал, в Ужуре, на юге Енисейской губернии. Злой был человек, безжалостный, обижал простых людей... Мой дед с ним дрался! Может, вот этой самой шашкой нескольких красных бойцов развалил, — гордо поведал Геннадий Фёдорович.

После такой легенды я уже и в руки её взять боялся.

— Так фехтовать-то не умею! Никогда не имел дела с таким оружием.

— Чудак-человек, это же шашка, кто же шашкой фехтует? Ими только в кинофильмах про неуловимых мстителей рубятся. Ничего, покажу тебе приёмы. Арбузы и тыквы у нас не растут, поэтому енисейские казаки всегда на прутиках тренировались. Там всего три удара: косые слева да справа и верхний, по башке! Хватит тебе для начала... Пошли, португеею отреставрируем.

— Тогда я первая в баньку пойду, — быстро решила хозяйка. — А вы играйтесь.

В зале, где дед начал манипуляции с кожей, я, сидя за столом, устанными старыми рекламными газетами, услышал много нового. Про то, что точка на клинке ближе к острию называется центром удара, — расшифровки не требуется, — именно до этого места клинок точится с обеих сторон. Торец передней части рукояти, стыкуясь с ножнами по-азиатски, надёжно перекрывает устье ножен, предохраняя клинок от попадания внутрь дождевой воды и росы. В навершии есть стягивающая гайка, которая входит в специальное углубление в канавке и потому не выступает...

Делать мне было нечего, потомственный казак, возясь с португеей почти ритуально, в моей помощи не нуждался. Попутно рассказывал. Я читал объявления из прошлого — сложно представить себе большой сюрреализм апокалипсиса.

— Со староверами не связывайся! Они и раньше своей дорогой ходили, а сейчас, как я мыслю, с нами, людьми простыми, и подавно считаться не будут.

Я спросил у хозяина:

— Бандиты тут есть?

— Вообще-то нет, но наши местные и поопасней могут быть, если интерес заденешь. Тайга вокруг, воля. А воля сразу дисциплину рушит, если человек слаб.

— А настоящие, организованные?

— Что в те годы развелись, когда всё рэкет крышевал? Давно не слышали. Теперь всеми прибыльными делами серьёзные компании правят, корпорации, и у каждой своя служба безопасности. По бокам плавают всякие прилипалы, артели дикие, крохи подбирают. Вот этих тоже остерегайся. Да о чём я! Бедный, богатый... Вирус не разбирает, у кого кошель толще, он сам решает, кому жить, а кому под сосну лечь. Что-то я чмутить начал.

Слово знакомое. Чмутить — значит ябедничать, с целью смутить и поссорить людей.

Давным-давно вологодские переселенцы занесли его и на Енисей.

— Но по-хорошему, без огнестрела тебе всё равно не обойтись. Охотников у нас было мало, оружие они с собой забрали, кто же бросит, — произнёс в итоге заметно оживившийся дед, вытирая маслянистые руки тряпицей. Глаза его поблёскивали, человек снова осознал свою значимость, полезность. — Так думаю, что надо бы тебе к зенитчикам сходить, вот что. Они ниже по течению стоят, тут недалеко, если от ФАПа идти, то прямо по тропиночке, понад берегом. Может, разживёшься.

Я резко поднял голову.

— У вас что, зенитчики стоят? — Ёлки-палки, чего же он раньше молчал! — Дивизион? Какие именно системы, «Бук», «Тор»?

— О! Быстрый ты! У кого спрашиваешь, служивый? Я не специалист.

Странно, был ведь на берегу! Правда, я тогда не особенно и посматривал по сторонам, так, пару раз взгляд кинул. Никакой техники не заметил.

— Машины как выглядят, Геннадий Фёдорович?

— Да не было у них никаких машин! Три бойца и офицер.

— Подожди... Так это расчёты ПЗРК?

Не ответил дед, не знает. Что они здесь делали, какие объекты прикрывали?

Нам ведь расклады доводили...

После перестройки и саморазрушения СССР заокеанские партнеры заявили, что многие цели с программ боеголовок сняты. Действительно, зачем напрягаться, если у русских и так всё разваливается? Наши главнокомандующие и прочие военные гении такому подходу, похоже, обрадовались, сразу начали возюкать перестроечные сопли по полу и все пояса-кольца ПВО на северах свернули в рулон и снесли на помойку... Однако с тех пор, как Арктика превратилась в сверхлакомый кусок сыра, а все узнали, что такое нефтяной и газовый profit, и выучили слово «шельф», в стратегических планах вероятных и невероятных противников многое изменилось. Старые военные гении сменились новыми, наша армия поднялась, а страна между силой и правдой вполне разумно выбрала и то, и другое. Потому что противник не дремал.

Ещё в 2009 году Федерацией американских ученых была озвучена инициатива о новых целях для американского ядерного оружия на территории России. Прослойка яйцеголовых янки, где только нобелевских лауреатов под семьдесят штук, предложила правительству высокоточную ядерную войну с Россией методом экономического геноцида. Количество ядерных боеголовок сократить, но перенацелить носители с густонаселенных городов на двенадцать ключевых объектов нашей экономики.

Доклад лысые гуманисты оформили, как проект новой ядерной доктрины. Авторы признали, что инициативы о необходимости ядерного разоружения крайне своевременны, и подсказали, как их творчески доработать. В США имелось 5,2 тысячи ядерных боеголовок, из которых 2,7 тысячи находились на оперативном дежурстве, и еще 2,5 тысячи на складах. Это избыточное количество: заряды не могут быть использованы в военных действиях, США не собирались вести тотальную ядерную войну, — констатировали учёные. И подсказали, что актуальным становится минимальное сдерживание, нескольких сотен боеголовок хватит, чтобы обезоружить потенциальных врагов. Для эффективного сдерживания сердобольные нобелевцы предложили пощадить густонаселенные города — негуманно, приведет к многочисленным жертвам. Вместо городов мишенями определили важные объекты инфраструктуры. В список мишеней на территории России, достаточных для эффективного

сдерживания, включили три НПЗ — Омский «Газпромнефти», Ангарский «Роснефти» и Киришский, принадлежащий «Сургутнефтегазу». В металлургии — Магнитогорский, Нижнетагильский и Череповецкий металлургические комбинаты, «Норильский никель», а также Братский и Новокузнецкий алюминиевые заводы. Поначалу список жертв замыкали Березовская ГРЭС, Среднеуральская ГРЭС и Сургутская ГРЭС, позже к ним добавили ГЭС и новые стратегические объекты, связанные с транспортными схемами доставки газа в Китай.

По подсчетам американских профессоров, в случае их уничтожения Россия не только не сможет вести войну вследствие подрыва экономики, но при этом потеряет всего лишь около миллиона жителей, это же мелочь...

Наши аналитики предсказывали перенацеливание ядерного оружия США на экономику. В случае войны ожидался, например, удар по географической точке, где сходятся важнейшие газопроводы. Это вызовет катастрофу в электроэнергетике европейской части страны, подорвет важнейшую статью валютного дохода и повлечёт гибель сотен тысяч людей от холодов. Почти весь газ, добываемый в ЯНАО, проходит через район, который местные жители называют символично — «Крест». Там, в тундрах реки Правая Хета, пересекаются почти два десятка магистральных газопроводов. То есть жизнь 78 % населения России находится в зависимости от этого «Креста» площадью сто на сто метров. Американцы должны были ударить по четырём целям: «Крест», Надым, Пангоды и Новый Уренгой. Чтобы получить максимальный эффект, нужно не допустить быстрого восстановления «Креста», то есть уничтожить ближайшие населённые пункты, смести инфраструктуру доставки труб и сварочного оборудования...

Есть и ещё один узел, где собираются вместе газопроводы, работающие на Китай.

Ответные меры начали принимать поздно, и все необходимые «кольца всевластья» вернуть на место мы не успели. «Крест» стопудово прикрыт. В Диксоне ЗРК имеются, сам видел. Слышал, что в Норильск успели вернуть системы ПВО, включающие С-400 и «Буки». Радарные станции стоят на Лонтокойском Камне. Не знаю, как обстоит дело с прикрытием каскада Таймырских ГЭС. Ничего не слышал о стратегических объектах в этой глуши.

Под Енисейском в посёлке Усть-Кемь недавно запустили в штатную эксплуатацию надгоризонтную радиолокационную станцию системы дальнего обнаружения «Воронеж»; цель, конечно, достойная, однако она наверняка имеет свой пояс обороны.

Если поблизости от Разбойного действительно находятся расчеты ПЗРК, то кого они караулили?

— Служивые жили замкнуто, с поселковыми общались редко, а сами мы к ним не совались, — рассказывал старик, доставая тонкий оселок.

— Поссорились? — предположил я.

Он даже обиделся.

— Мы ведь люди мирные, спокойные, с чего нам ссориться с защитниками? В посёлке говорили нормально, когда они в магазин приходили. Сами заперлись, заминировали подходы.

Час от часу не легче!

— Быть такого не может, что за ерунда! — не мог я поверить, что зенитчики будут минировать местность в черте населённого пункта.

— Много ты, смотрю, знаешь, что может быть, а что нет! — рассердился дед. — Я тебе что, шутки шучу? Вот сходи сам и проверь. С минами тебя учили обращаться? Если нет, то лучше не суйся.

— Учили... Странно всё это как-то, нелогично. А сейчас они что делают, неужели даже после беды не заходят?

— Так некому заходить, Лёша. Солдатиков офицер отпустил, они уехали на пароходе. А сам остался. Один! Понимаешь, что это может означать?

— Пока не очень... Как сказал Чехов, всё знают и понимают только дураки и шарлатаны.

— Вот ты бестолковый! Болезни они боялись, им нельзя службу рушить! До последнего держались. А воевали хорошо, стреляли своими ракетками.

— Да по кому, Геннадий Фёдорович, по самолётам?

— Нет, по ракетам крылатым, американским! Две штуки сбили. Одна в реку упала, возле острова Игольного, другая ушла в тайгу на том берегу, — спокойно поведал хозяин. — И ведь ничего не взорвалось! А мы боялись, что там бомбы атомные.

Настало время опять открыть рот.

Крылатки... Американские дозвуковые крылатые ракеты стратегического и тактического назначения «Томагавк», многоцелевые высокоточные системы большой дальности — чисто тактическое оружие для локальных войн. Ядерных зарядов они не несут, нет смысла, слишком велико подлётное время. Сбить такую с помощью ПЗРК можно, но это задача неординарная. Главная проблема заключается в своевременном обнаружении. В общем-то, неуязвимость «Томагавка» и обеспечивается его скрытностью. Небольшую по размерам, летящую над поверхностью на предельно малой, всего в несколько десятков метров, высоте крылатую ракету наземным РЛС заметить сложно, мешают мёртвые зоны. Радиогоризонт не превышает тридцати километров, а естественные препятствия местности, возвышенности и жилые здания, промышленные сооружения и высокие деревья только помогают низколетящему «Томагавку», умеющему ловко прятаться в складках рельефа. Кроме того, этот снаряд способен самостоятельно переключаться на другие цели, атаковать в лоб либо под разными углами, вплоть до крутого пикирования. Сложная мишень.

Однако у «Томагавков» есть и слабые места. Прежде всего — низкая скорость, особенно на тех участках, где ракета идёт в экономичном режиме. Крылатая ракета отлично себя чувствует в хорошо обжитых краях, среди городских и промышленных агломераций, где всегда много корректирующих полёт ориентиров. Другое дело — полёт над открытым морем или над дикой равниной, где нет даже посёлков... Систему GPS наши начали выводить из строя очень быстро, и поэтому крылатый убийца наверняка шёл автономно, постоянно сравнивая подстилающую поверхность с зашитой в память картой местности. И что «Томагавк» увидит на пути с севера? Зелёное море тайги внизу, где кроме рек, никаких ориентиров просто нет. Так что характерное русло Енисея, которое ни с чем не спутаешь, — отличный маршрут. Вокруг Разбойного — простор, видно далеко.

Наши парни сносили «Томагавки» из ПЗРК «Игла» по данным, которые командиры получали на планшет от самолётов и станций обнаружения «Купол», сканирующих небеса вокруг баз бригады.

А здесь зенитчиков кто оповещал? На глаза не понадеешься, скорость хоть и маленькая, но вполне достаточная для того, чтобы пулей проскочить мимо. Представьте, с каким эффектом пролетел бы над вами несущийся на крейсерской скорости «Боинг»! Штатный боевой планшет наверняка имеется и у командира таинственных операторов ПЗРК, стоящих неподалёку. Только в данном случае он бесполезен, команды и данные принимать не от кого.

Что, если всё гораздо проще? Разместили, например, в Бахте наблюдателя, который при

прохождении «Томагавка» мимо посёлка тут же сообщает о факте обнаружения по радиостанции. Характеристики «Иглы-С», особенно ограничение комплекса по высоте поражения цели вполне позволяют стрельнуть и по такой мишени.

Огромную роль сыграет простая удача. Судя по тому, что ребята смогли поразить две мишени, эта госпожа русских зенитчиков не обидела.

Вряд ли «Томагавки» шли на Красноярск, находящийся на пределе дальности полёта. Железногорск чуть ближе... Подожди, Лёха, ты не о том думаешь!

— Геннадий Фёдорович, а с чего вы решили, что офицер остался на посту? Сами же говорили, что вы сидели дома, могли и не увидеть.

Мой собеседник повернул клинок поставленной остриём в пол шашки лезвием от себя, отложил оселок и сказал:

— Молодец, опять спрашивать начал! А то сидишь с умным лицом, объявления про весёлых девок почитываешь, размышляешь о чём-то вхолостую, вместо того, чтобы спросить у знающего человека...

— И всё-таки?

— Это же красноармеец, Алексей, а не шпион немецкий, душегубец проклятый. Если бы офицер ушёл, то снял бы свои мины, а табличку выдернул. Второго дня ходил я туда, издали посмотрел — торчит табличка.

Я аккуратно сложил газету и встал.

— Прямо сейчас пойду.

— И правильно! Сейчас и надо, пока моя в бане возится, не одобрит она, заволнуется, — подбодрил меня Геннадий Фёдорович. — Держи сабельку, клинок поправил, а дальше уж сам ухаживай. Примерь-ка.

Плащ решил не надевать, время далеко за полдень, на улице тепло, ветер утих. Да и вообще непривычно как-то. Вещь хорошая, но куртка как-то привычней. Во дворе дед надел на меня португую с шашкой.

— Попробуй, выхвати.

Ни с первого, ни с третьего раза уверенно вытянуть шашку у меня не получилось.

— Да не дёргай, это тебе не затвор! Плавно тяни, нежно. Вот, другое дело... Иди, значит, и рубай тихонько по кустикам, учишь помаленьку. Только твёрдое шибко не пластай, пока не научишься бить так, чтобы клинок прямо вонзался, с непривычки запросто кисть можно вывихнуть. И осторожней будь, ногу себе не отхвати, не то зашибёт меня Элеонора Викторовна.

Интересно: минные опасности его не обеспокоили.

— Геннадий Фёдорович, у вас моторка есть? Мне бы пассатижи, штырь, проволоки моток и пару шпилек подобрать, могут пригодиться. И фонарик.

— Лодку давно продал, а мотор держу, хозяйство есть. Я ведь в Подтёсово механиком работал по судовым силовым установкам, там с женошкой и познакомился. Пошли в сарай.

Там мы управились быстро. Что же, настало время посмотреть на зенитные войска. Я сунул в пластиковый пакет ещё и спрей красного «Гардекса», репеллента очень хорошего, но дорогого, не покупают его местные.

Когда подходил к ФАПу, дед издали громко крикнул:

— Лёша, забыл сказать, пулемётик у них был!

— Какой?! — гаркнул я.

— Леший знает! На сошках, и ручка на дуле!

Возле ограды медучреждения я начал рубить крапиву, и две старые автомашины с нескрываемым удивлением смотрели на придурка мутными потрескавшимися фарами.

Плоховато у меня получалось изображать рубаку. Так всегда бывает, когда из простого и эффективного пытаешься с помощью вредных штампов сотворить что-то сложносочинённое и поэтому ни хрена не работающее.

«Хватит дуришь!» — приказал я сам себе после очередной восьмёрки, чуть не вырвавшей оружие из руки с перспективой улёта клинка под обрыв.

Дальше не мудрил и действовал так, как мне и подсказал потомственный енисейский казак. Справа, слева, сверху! Справа, слева, сверху... Гляди-ка, что-то получается! За медпунктом я быстро нашёл тропинку, тянущуюся среди высокой травы вдоль обрыва, и пошёл по ней.

Американские «Томагавки» не выходили из головы. Умеют штатовцы создавать легенды, пугающие иностранного обывателя.

Смотрите, вы, осмелившиеся перечить Старшему Брату, вот они, ещё чуть-чуть, и прольются с небес огненным дождем, выжигающим с лица Земли целые танковые дивизии и центры управления. Безжалостные крылатые роботы-камикадзе, умные, действующие безошибочно, страха не ведающие... От них не спрячетесь, они способны под немыслимым углом развернуться и влететь даже в пещеру узкого ущелья, спикировать прямо в ракетную шахту! Вы все уже обречены. Мертвы.

Однако практика показывает другое — дорогущими «Томагавками» американцы чаще всего разрушали саманные сараи и жилища скотоводов, далеко не всегда попадая в цель. И терялись они безвозвратно, и блудили, попадая совсем не туда, куда должны были попасть. Морские крылатые ракеты неэффективны против важных целей в континентальной России — большинство промышленных центров, арсеналов и стратегически важные объекты находятся в тысяче километров от побережья, на пределе дальности.

Если ты в своё время начитался конспирологических ужасов про супероружие, созданное американскими учёными, то можешь и испугаться. Если же способен хоть сколько-то выдерживать информационные атаки, подходить к оценкам критически и думать своей головой, отделяя враньё от реальных способностей девайса, то на приказ командира отвечаешь «Есть!» и садишься на берегу с ПЗРК.

Молодцы ребята, два «Топора» снесли!

Природа словно разозлилась и решила обеспечить мой поход соответственным антуражем. С запада подходил дождевой фронт, облака стеной шли к реке. Западный ветер на Енисее часто несёт непредсказуемую погоду, а если перейдёт на северо-запад, то лучше спрятаться. Небеса пока без черноты, так что дождик, если будет, обещается средний. Поднялся ветер, кое-как прогретый воздух над большой рекой быстро остывал. Не жарко, зато сразу комара поменьше стало... Тропа шла ровно, вот она перевалила через холмик, и я сразу увидел табличку:

Осторожно, мины!

Запретная зона, проход запрещён!

Я остановился и огляделся. Впереди никого не видно, палаток нет.

Слева — небольшая сосновая рощица без подлеска, просматривается насквозь, за ней матёрая тайга. На берегу лежит белый корпус катера, почти полностью затопленного и разобранного... Похоже, скоростной был водомёт, рубка отнесена назад, салон впереди. Самоклеяка, после хорошего удара такой катерок хрен починишь, проще новый сделать. Двигатель, конечно, сняли. В баржу воткнулся он, что ли? Напротив, под самым склоном лежала громадная лесина, поднятая на берег во время высокого паводка.

Тихо, собак нет, чайки не орут... Однако настроение у меня было нехорошее, тревожное. Действительно, заминировали!

Леску растяжки я обнаружил в пяти метрах после таблички, прямо на тропе, её даже не спрятали. Толстая леса, старинная, сейчас её, наверное, уже не выпускают. Интересно, а такая леска под лазерной указкой, если ночью проверять, да в помещении, сильно блеснёт? Примотанная скотчем ко вбитому кольшку граната «РГО» стояла слева, дальше от берега. Осмотревшись ещё раз, я присел. Самый примитивный вариант растяжки. Поставлена недавно, труха не успела осесть в пазах насечки. Это не «Ф-1», конечно, дальность поражения не та, но штука опасная... В такие моменты самым страшным звуком становится щелчок возможного срабатывания капсуля УЗРГМ.

Примерившись и обхватив рукой рубашку со спусковым рычагом, я одновременно просунул палец в кольцо готовой взорваться после расчеховки гранаты. Сжав кисть, наклонил «РГО» в сторону проволоки, ослабляя натяжение. Усики у шпильки-чеки были целые, без трещинок, менять не надо — просто разогнул их в стороны. Поднял с земли пассатижи и перекусил лесу, разрезал ленту.

— Добрый трофей, — тихо похвалил я сам себя.

«Эргэошка» хороша тем, что имеет две цепи срабатывания: ударно-дистанционную и дистанционную, то есть способна самоликвидироваться. Цепи дублированы, взрыв происходит либо от удара о преграду, либо по истечении 3,2–4,2 секунды. Хотя я и от «Ф-1» не отказался бы, убойная вещь.

Граната поставлена не против людей, умеющих читать, — кто же полезет? И не на специалиста, которому такая растяжка-насмешка на минуту работы.

— От синяков ставили...

Кое-как замаскированный вход в землянку я заметил с восьмидесяти метров. Рядом на земле виднелось прямоугольное пятно, оставшееся на траве после снятой палатки.

— Э-гей! Есть кто живой? Командир, свои!

Если что, с обрыва прыгну, глядишь, и получится удрать. Никто не отзывался. Крикнув ещё пару раз, я начал осторожно приближаться. Дверь была не выломана, но висела криво, держась на одной петле. Жуть. Страшно, зараза! Жив он там или мёртв? Крыша поехала или в синяка обратился? Мрачные образы-предчувствия окутывали пространство вокруг позиции, я всё более остро ощущал пугающее приближение чего-то таинственного и неотвратимого. Не дрейфь, Леха, всякое было, а выбрался! Ага... не дрейфь... Что ещё могло вызвать в душе смятение? Тёмный провал входа смотрел на меня. Хищно.

Я выставил перед собой острие пашки.

Ёлки, там тряпка была! Наверху! Отпрянув, я быстро пересчитал четыре ступеньки в обратном направлении. Замеченный краем глаза кусок пятнистой ткани теперь буквально резал глаза. Кусок штанины. Весь в крови, и большое пятно рядом.

— Грёбанный диатез...

Следы медведя я заметил быстро. Не нужно быть записным следопытом, чтобы понять:

здесь случилось страшное. Какого чёрта он вышел наружу? Шум услышал, возню, вот и вышел. Или выполз, надеясь на помощь. Быстро появлялись всё новые и новые детали, постепенно складывалась картина произошедшего. Может, он чудом выжил после болезни и даже остался нормальным, теперь не угадать.

Медведь лежал под кустами, где воины устроили толчок. Напал прыжком, задрал, скорее всего сразу, и тут же поволок добычу в тайгу.

— Что ж ты так, командир... Бойцов решил сберечь, последним парходом на материк отправил, а сам оплошал.

В пятнадцати метрах от палатки по берегу отрыт окоп полного профиля, с бермой и стрелковой ступенькой, с обшитыми нишами и одеждой, леса вокруг навалом. Даже водоотвод к откосу имеется! Самый настоящий кошмар для личного состава бригады, попробуй, отрой такой в вечной мерзлоте... Бензопилами резали.

— Давай в землянку, Лёха.

Я остановился перед чуть бугристыми ступеньками, опять собираясь с духом. Вдруг там ждёт ещё одна смерть? Посветил фонариком, проверяя узкое и неожиданно длинное помещение на растяжки и ловушки похитрей, зашёл. Хозяин обустроился грамотно, основательно. Железная печка у входа, дрова ещё остались. Широкие нары с матрасом, рундук под ними, большой стол с керосинкой в центре, полки в торце. Объёмистый зелёный ящик с накладными замками. Ближе к двери у стены лежали пустые трубы использованных ПЗРК «Игла-С», источники питания.

В землянке было сухо, наверху тихо, фонарик в левой руке светил исправно — можно начинать обыск. Что я с пашкой-то хожу, как геймер в пещере? Убрал в ножны, тут тесно.

Первое: одежды не было, никакой. И обуви тоже.

Второе: планшет действительно был, неработающий.

Третье: всё ценное бойцы забрали с собой, начиная с прицела ПНВ «Маугли» и заканчивая генератором.

Четвёртое: документов офицера я не нашёл, думаю, что он, чувствуя приближение смерти, заставил подчинённых забрать их с собой.

Пятое: в ящике было немного еды — дюжина банок тушёнки, девять сухпаёв ИРП-Б, три зачерствевшие буханки серого хлеба.

Шестое: пулемёта тоже не было, хорошо, что я не успел губу раскатать.

Седьмое и для меня очень важное: на столе возле нар, под левой рукой лежал кожаный офицерский ремень и узнаваемая кобура с армейским пистолетом «ПМ». Рядом — зелёный обрезиненный бинокль. Личное оружие он оставил себе... А наверх полез без него, в забыты.

Кобуру я увидел сразу, но кричать от радости побоялся, вдруг спугну и пистолет мистическим образом убежит? Обшарив ящик, шагнул, наконец нагнулся и поднял. Два полных магазина и пачка мягкого серого картона, в ней ещё шестнадцать патронов. «ПМ» и граната, это ништяк или мало? Забудь ты о пулемёте, дай бог радости и этому! Только вот пока не до радостей мне было, не осознал ещё, пролитая на поляне человеческая кровь не даёт... Эх, друг! Посидел бы ещё немного, медведь бы и сунулся. Сам. И тут же получил бы в морду пяток пуль, трудно здесь промахнуться... Почему он всё-таки вышел?

«Потому что синяком стал», — так мне легче. Проще.

Что ещё найдём? О-па, дозиметр! Этому прибору я порадовался ничуть не меньше, чем оружию. Сомнения, знаете ли, терзают.

А руки, вон как руки трясутся! От злости.

Надо бы сразу проверить ствол на работоспособность, так что один патрон придётся потратить. Я наконец-то выкинул из штанов подозрительный радужный ремешок, вставил классический офицерский, навесил кобуру. Выбрался наружу и внимательно посмотрел на стену таёжного леса.

— Ну что, сучара, где ты там? Хоть звук вспомни.

И дослал патрон.

Глава 3

Добытчик

Это летнее енисейское утро было знаменательно тем, что были пройдены два интересных рубежа. Во-первых, оно наконец-то подарило мне хорошее настроение и бодрое самочувствие. Во-вторых, я получил новые трусы.

Три дня провалялся пластом, как образно сказал Геннадий Фёдорович, «остаточки дерьма из тела выходили». С вечера на улице всё было серо, правда, без дождя. Температура воздуха опустилась градуса на два, поднялся сильный ветер-южак. Проснулся я часов в восемь, пожалуй, в постели валялся долго, вставать было лень. Долго смотрел в окно — кадр, очерченный весёленькими шторками, показывал небо, не солнечное, зато ясное. Облачность высокая. Уже привычно сунул руку под подушку, проверяя пистолет. На месте. Всё-таки нормальный мужчина без огнестрельного оружия чувствует себя неудобно.

Над головой жужжало. Я извернулся и увидел, что прямо на подушке, вцепившись друг в друга передними лапами, дерутся два здоровенных овода. За мою кровушку бьются... В щелку пролезли, гады, между марлей и рамой открытой форточки. Хотел я пришибить обоих сразу, дулетом, да ткань пожалел, белая, чистая, накрахмаленная... Какое-то время наблюдал, ожидая, кто выйдет победителем схватки, но они скатились на пол, и я тут же хлопнул по соперникам калошей. Хватит борзеть.

Подушка мне досталась самодельная, огромная и мягкая, я решил, что она набита гагачьим пухом, пусть будет так, приятно. Одеяло тоже пуховое. Попробуй тут, вылез на свет божий... Как же хорошо валяться! Если бы не малая нужда... Со стены напротив на меня смотрела картина с Елисейскими Полями, мишек в лесу хозяева вешать не стали. Свои надоели до смерти.

Только я сел и потянулся за медицинской рубашкой, как дверь в узкую светёлку без стука отворилась, и в комнату деловито вошла Элеонора Викторовна.

— Да не тяни ты одеяло до горла, что я там не видела! Носи вот, в шкафу нашла, сама забыла, где что лежит, ох... Жопка у тебя тощенькая, такая же у моего сухаря, так что впору будут. Прошлой осенью ездила в Крым по льготной путёвке, там и купила. Нарядные такие, чисто соблазн! И чего, скажи, деду не нравятся?

— Ничего он в моде не понимает, — льстиво подсказал я, принимая щедрый подарок: пластиковую упаковку с тремя трусами-бóксерами.

Вытащил одни из тубуса, развернул. М-да. PLAYBOY на широкой резинке, сбоку почему-то якорёк с волной и надпись: «Привет из Симеиза!» Ядовито-красные, голубенькие и комбинэ, сука, — полосатые из первых двух цветов. Симеизским плейбоем буду ходить, значит.

— Хорошенькие ведь, скажи! — хлопнула в ладоши хозяйка.

— За-ме-ча-ательная вещь! — уверил я.

— И ткань хорошая, мягкая!

— Америка, что там.

— Значит, не соврал продавец, — обрадовалась добытчица. — Завтрак почти готов, тебя ждём. Я ведь ещё кое-что припасла.

Выбравшись на свежий воздух, сразу отметил необычное спокойствие среды. Вроде бы

всё, как в прошлые дни. А бывлой тревожности нет, выспался, что ли? Ну, да, очухался. Просмотрел во сне все свои кошмары, надеюсь, в последний раз. И злости меньше стало. Настолько, что, встретить сейчас заклятого коллегу из норвежских егерей, сразу бы его резать не стал. Побеседовал бы за жизнь мальчика, а уж потом горло вскрыл.

Ещё я уверовал, что прорвёмся. Огнестрельное оружие есть, пусть с нехваткой БК, для начала и это хорошо. Два волшебных предмета, способных поражать врага на расстоянии, и это не пращи или рогатки. Теперь всё будет по-серьёзному, без экспериментов с перестановкой полотен на косах. Бросай топор, лови хардкор...

Сегодня будет рабочий день, вот что я придумал.

Тишину разрезал резкий звон бензопилы. Кто там трудится? Ага! Значит, хозяин тоже решил взяться за дело и напилить из лесины чурок. Самое время показать жене свою годность. Перед едой. Мы, мужики, хитрые! После гигиенических процедур я крепко растёрся, глянул в зеркальце, прибитое возле пары рукомоёв, и отправился к столу.

— Доставай, жена, что он с голым торсом! — скомандовал хозяин.

Мало у нас событий, читай, развлечений. Телевиденье давно не работает, радиоприёмник древний, хреновый, ничего не ловит, а Лёха не спец-паяльщик. Вот и хочется людям растянуть удовольствие, в сериал поиграть, всё понятно. Я улыбнулся.

— Держи, Лёшенька, для реки самая правильная вещь, матросская! — сказала супруга, и я из рук в руки получил хлопчатобумажную тельняшку с длинными рукавами. Естественно, тут же и натянул, расправил. Ух, как здорово! Наверное, моя довольная рожа их обрадовала, потому что Петляковы тоже заулыбались.

Рядом со мной сидел ещё один приживалец — огромный сибирский кот по имени Баркас. Наглая полосатая морда. Выяснив, что в посёлке осталось только одно жилое хозяйство, он плюнул на охоту в зелёнке, чем весьма успешно занимаются его соплеменники, и предпочёл перебраться поближе к человеку. А тут ещё запахи готовки пошли.

— И обувка нашлась, как раз в размер! — Третий подарок Элеонора Викторовна не стала протягивать, просто кивнула под стол.

Там стояли какие-то необычные сапоги, не очень высокие, на шнуровке. Из голенища левого свисали две пары носков.

— И не видел таких, поди? — усмехнулся дед. — Теперь уже мало кто помнит, а раньше в Сибири очень такую обувь уважали... Ичиги это! Юфтевые, верх из конины, сосед в Енисейске у мастера заказывал, для охоты. Ну, покорооче сделал немного, подошва шитовачная, а не выворотная... Никогда нога не устанет, ходить легко. В таких стопа землю чувствует, работает по своей природе, а не как доска, и защищена хорошо. У эвенков, например, есть невысокие сапожки из лосины, «хомчуро» называются, тоже со шнуровкой, очень легкие и замечательно удобные. Но они только для зимы, непригодна лосина летом, сильно намокает, набухает и тянется. А тут кожа выделанная, мягкая, сильно прожированная. Для себя человек думал, со знанием дела! У вас-то жёсткие, как их там...

— Берцы.

— Ага. В войсках ведь как? Солдат на войне долго жить не будет, и что у него с ногами произойдёт через пару лет, штабам не важно. Важно, чтобы он в коротком бою на ногах стоял, пока силы есть.

— Упрощаете, Геннадий Фёдорович. Берцы хороши на камнях, в развалинах, где железа всякого полно, — начал я обороняться, но мне не позволили.

— Да где ж ты здесь развалины видишь, Лёша? — спросила Элеонора Викторовна. —

Тайга да река. А по железкам скакать вообще глупо, рано или поздно поранишься, их обходить надо. Хватит спорить, надевай быстро!

Я вздрогнул и мигом выполнил команду. Что сказать, по виду не Garsing, конечно. Хотя сравнивать невозможно, это действительно совсем другая обувь. Походив по веранде, где мы завтракали, попрыгав на ступеньках и поприседав, снял левый сапог и осмотрел подарок. Сделано качественно. Подошва из нескользящей микропоры, восемь миллиметров. Чёрт, на самом деле, очень удобно.

— Чулок из войлока вытащи и шнурочками подгони по ноге, — напомнил дед. — Видишь, и так можно носить за счёт мягкости. Юфть лучше хрома воду держит. Если снизу чуть ослабить, а верх подтянуть — вентиляция будет. Уход, конечно, нужен, как, впрочем, и за всем вокруг нас. Касторовым маслом промазывай, отплатят добром. И портяночки чаще пользуй, портяночки!

Вот и экипирован, одели хорошие люди. А я валяюсь, ничего хорошего пока не сделал. После чая с печеньем я посмотрел на сидящего рядом котяру и сообщил:

— Геннадий Фёдорович, так на рыбалку ведь пора, поеду, не могу больше на хлебником сидеть. Тут ещё и кот объявился, такой кого угодно обожрёт... Подсказывай, какая моторка в лучшем состоянии и где мотор брать. Я на берегу «Прогресс-4» заметил, как он, живой?

Дед сразу оживился, выдал присказку: «Хочешь рыбу есть — надо в воду лезть», — и громко выразил самое горячее желание поучаствовать в мероприятии. Пришлось мне мягко, но решительно отказать, за что получил благодарный взгляд его супруги. Негоже женщине оставаться одной в пустом посёлке, мало ли. Быстро закончив завтрак, мы пошли во двор совещаться.

— Ты сам-то сети поставишь?

— Конечно. На побережье ставил и проверял в одиночку, здесь тем более справлюсь.

— Не скажи... Енисей коварен.

— Так я потому и спрашивал о «Прогрессе»!

«Прогресс» — штука добротная, надёжная, космическая отрасль делала. Корпуса из дюралюминия высокого качества, не гниют, служат долго. Я разные лодки пробовал в деле, и люблю именно эту. Корпус широкий, спать можно — разложил мягкие сиденья на пайол, и в страну снов. По кокпиту спокойно можно ходить со спиннингом, лодка берёт большое количество топлива и снаряды. Из серийных отечественных у неё лучшая остойчивость, гуляешь с борта на борт, а она почти не кренится. Попадал я на «Прогрессе-4» в шторма далеко от берега и в стоячие волны полутораметровой высоты; лодка шла на скорости под сорок, не рыская и не зарываясь. Против волны, правда, поколачивает.

— «Прогресс» хороший, только мотор надо поставить. Мой и бери, проверенный, зверь! Снасти надо подобрать...

Рыба нижнего и среднего течения Енисея делится на три категории. Есть чёрная, куда входит щука, окунь, язь и налим, есть белая, включающая сига, муксуна, нельму, тайменя, омуля, пелядку и тугунка. Сиговые до этих мест с севера доходят в малом количестве. Особняком стоит рыба красная: стерлядь и осетр. Так её называли на Руси издавна, это сейчас всё перепуталось — под красной рыбой ныне понимают лососёвые породы. Цвет плоти поборол красоту и непревзойдённость.

Енисей был и остается кормильцем и сегодня, в пустеющих деревнях на реке люди живут рыбными да зверовыми промыслами, рыбы много, голод никогда не грозил аборигенам. Вообще-то, здесь все браконьеры, иначе не прожить. Поэтому способы ловли

серьёзные, удочка с поплавком — баловство для детей и горожан, спорт. Спиннинг уважаем, в заливчике-курье им можно натаскать щук и окуней больше и быстрее, чем сетью. Им же ловят здоровенных нельм и тайменей. Почти в каждом хозяйстве есть бредень. Один его конец заводят с лодки, второй на берегу, потом вытаскивают.

Сети используют самые разные: китайские мелкоячеистые и ставные, с особой технологией проводки. Популярен так называемый пльвёж, особенно, когда к осени идет добрая рыба с низовий. Один конец сети привязывается к лодке, другой — к «гагаре», деревянной крестовине, доски которой собраны торцом, так она лучше якорит. Течение несёт связку, сеть тянется по дну. Красную рыбу по-прежнему добывают запрещенными самоловами — орудиями дорогими, ценными. Это протянутая по дну прочная веревка, к которой на поводках привязаны крючки, кованые, большие. На каждом поводок с поплавками. Осётр идёт по дну и рылом вскапывает ил, так и натывается на крючки. Варварский способ, что говорить, — острия вонзаются прямо в бока...

— Слушай мой план, Алексей. — Старик уже всё придумал. — Поначалу сгоняешь к Игольному. С нижней стороны тянется отмель, вот прямо на пески поставишь китайскую харьюзовку. Течение за островом завихряется, рыбка заходит проверить... Глядишь, омуля возьмём, а уж харьюза точно! Здесь, прямо от берега поставим самоловы на осетра, кто теперь проверять будет! Кончились проверяльщики! А когда вернёшься, мы ещё и побредим на пару, мелочь возьмём для кота: сорожку, ерша да ельца. Годится план?

Я азартно кивнул. Мужики могут вместе закадычно пить, могут жить под одной крышей, могут обсуждать женщин, фильмы и книги, но только совместное занятие настоящим мужским делом, с точки зрения женщин, часто бестолковым, указывает на реальную душевную близость.

Хорошее занятие! Трубочку закурить можно для большего удовольствия, первая будет...

На крыльце стояла хозяйка и с улыбкой смотрела на потенциальных кормильцев. По рыбе соскучились все. Вот и котяра трётся у ноги, словно слышит, о чём речь идёт. Надоело ему за птицами гоняться. Полез ночью на дерево, гнездо разорять, получил клювом по лбу — свалился и ну орать на весь двор.

— Не хочешь в зелёнку? — спросил я, погладив длинную пушистую спину.

[Купить полную версию книги](#)